

Федор МЕТЛИЦКИЙ

ФАВОРСКИЙ СВЕТ

@ЭЛИТА

16+

Федор Метлицкий
Фаворский свет

Электронное издательство "Аэлита"

2013

Метлицкий Ф. Ф.

Фаворский свет / Ф. Ф. Метлицкий — Электронное издательство "Аэлита", 2013

Действие романа происходит в наше переходное время в провинции, на экзопланете и... в психиатрической лечебнице, которую захватили террористы. Герой, «продукт маргинализации огромных масс, потерявших опору», выросший на идеалах «шестидесятых», в атмосфере всеобщей жажды наживы и успеха создает общественную организацию с целью соединить бизнес и нравственность в проекте самоорганизации и взаимопомощи. Лишенный средств и поддержки, он терпит поражение, и находит спасение в чистоте провинциальной окраины, видениях совершенной цивилизации с иными ценностями, в нравственных истинах религии. Читатель ощутит открытую душу героя, жаждущую любви, его стремление к познанию и самопознанию.

© Метлицкий Ф. Ф., 2013

© Электронное издательство
"Аэлита", 2013

Содержание

Затерянная окраина	6
I	6
II	24
Фаворский свет	37
1	37
2	40
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Федор Метлицкий

Фаворский свет

© ЭИ «@элита»

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Взгляд на нас

****из чистой окраины,***

****из дивного мира экзопланеты,***

****из ветхозаветного времени.***

*Человеку не дано объединить то,
что разъединил Господь.*

Вольфганг Паули

*Тварный мир есть нечто разъединённое и в то же время
соединённое... Бог находится во всех вещах. Главная радость Бога –
сотворение духа всей природы.*

Мейстер Иоанн Экхарт

Затерянная окраина

I

*Провинция нетронуто звенит
В душе народной воздухом доверий —
Откуда-то из древних вер возник
И не исчез, и обновленьем веет.*

Это были те шаткие годы, перед выборами, которые последовали после «нулевых». Я ехал в провинциальный город на экономический форум в качестве приглашённого от общественных организаций, заранее представляя торжественное собрание ожидающих чего-то людей и скучные глобальные постановления. Не знаю, зачем, и с какого боку там нужен. Но я мечтал и боялся туда ехать.

За городом в окне вагона проносилось скопление халуп с клочками огородов – их владельцы пренебрегают чувством прекрасного ради урожая. И вот уже – зелёное кружение в окне однообразных молчаливых лесов и полей, волнующих, может быть, напоминанием о первозданном лесном лоне предков. Почему так изменяет настроение этот оптический обман?

В купе напротив – молчаливые соседи, едут домой: красивая студентка и её отец с бородой, угнетённый чем-то, как предприниматель, у которого отобрали бизнес.

Утомительно долго лежу на узкой полке, потряхиваемой на рельсовых стыках, в экзистенциальной тяжести тела. Отвлекаюсь чтением книжки старого философа, божьего одуванчика. Нашёл бессмертие в некоей сущности души, соединённой в вечном заливе душ – цельности мироздания, вечно пополняемой и не убывающей, – если кто-то гибнет, общий баланс сохраняется. Люди отошли от цельности мироздания, начиная с Адама и Евы, и потому из-за этого отпадения случаются катастрофы, вплоть до экологических.

Вспоминаю детство в затерянном на краю света городке, возвышающемся над ослепительным заливом. Заброшенный, доведённый до суровой простоты советский быт, с магазинами «Хлеб», «Продукты», «Ткани». Нравы тоже были просты, не выходили из предписанных условий, вернее, не замечали их.

Очарованием, как залив, были классики в библиотеке отца, которых читал запоем. Они уводили от нашего естественного существования в широкий мир и уберегли меня от грубых нравов улицы.

Тогда случилось страшное происшествие, чем-то повлиявшее на мою дальнейшую судьбу. Во время амнистии зэки в серых фуфайках вырвались из трюмов прибывшего из Колымы парохода и высыпали в город. Жители попрятались в квартирах. Прибывшие фургоны с солдатами, вместе с дружиной портовых рабочих, вооружённых железными прутьями, гнали зэков обратно в трюмы и расстреливали на ходу. Мы, дети, сновали около. У рельсов крана лежал икавший человек в грязном бушлате, с синим лицом без челюсти. А мы в жестоком страхе глазели, и не жалели мы чужака. То отчуждение, что в нас засело, казалось, в жизнь вошло на века.

Потом был институт, наполненный ожиданием. И Она пришла. Испытывая странный недуг любви и ревности, я бродил с ней вдоль Москвы-реки, страстно и безнадежно целовал её, казалось, холодную и равнодушную, – она отвечала нехотя, видимо, считая меня мальчишкой, не способным к серьёзной жизни. После окончания института она, не сказав ни слова, уехала

по распределению – туда, куда я сейчас еду, на окраину далёкой провинции. Там и исчезла. Где ты, юность, такая отчаянная, как отвергнутая любовь? Перед массовым одичанием так хотела остаться собой!

В начале нового века я очутился совсем в другом мире развалившейся империи, где не понадобились ни классики, ни моя духовность (не считая детского ужаса). Но она помогла не пойти по трудному пути «челноков» и предпринимателей, и я, как многие другие, ничего не умея делать, нашёл себя в сфере общественной деятельности, создал свою организацию, в которой хотел соединить гуманизм и практику.

Моя независимая общественная организация – фантом, созданный в результате постоянных усилий, который стал известен широкому кругу узкой общественности, и теперь не исчезнет, если бы даже в организации остался один я. Уже трудно стало удерживать её на плаву – всё время искать новые пути, чтобы не рухнуть в нищету и безвестность, обеспечить сотрудников зарплатой, отдавать энергию на преодоление мелочей (некогда даже сходить в туалет), – без тщательности в мелочах нельзя поддерживать заказы на должном уровне, быть порядочной организацией.

Меня угнетала дистанция между мной и сотрудниками, которую я установил, ибо сближение вредит делу. Поэтому видел их замкнутыми, не замечающими, как обидно задевают локтями, из тех, кто, скрывая глаза, поспешно проходит мимо сбитого пешехода на дороге.

Соратники по нашему общественному движению тоже жили своими интересами, хотя объединялись на тусовках странным интеллектуальным общением, не дававшим удовлетворения дружбы. Я – такой же. Только в общении с женщинами – загадка! – открывается фонтан влекущей искренности и юмора.

В новостных программах телевидения, казалось, те же обособленные в себе люди превращались в демонстрантов или в разгоняющих несанкционированные сборища. Опрос населения обнаружил странные цифры: подавляющее большинство, было ясно даже до опроса, не принимало, как пришедшее зло, развал империи, приватизацию. Оно томилось в бездушной построенной системы, статистически подсчитывающей даваемые блага населению, как среднюю температуру по больнице. В тумане прошлого казалось чудесным, как молодость, время минувшего режима.

Политологи, горячась, бросали в мир странные идеи, напластованные прошлыми и незрелыми нынешними мыслями. Субъекты рыночных отношений, любители пожить, недавно восстав из советской нищеты, играют в политические игры, перестают сострадать и даже понимать тех, кто, как и они раньше, трудно выживают в поисках пропитания, даже идя на преступления. Сытые правят миром! В них, да и в лузерах заросло то место, где чувствуешь боль в сочащемся кровью мире, и возможность озарения чем-то иным. Не осталось и частички бессмертия.

– Что такое? Опять негодую! – смешил я окружающих серьёзным видом после очередного преступления против человечности. – Как они отвратны, деловитые киллеры свободы! И консервативно голосующее население. Не доросло до свободы. Негодую!

Что-то тревожное сгушалось в настроениях электората. Или это только кажется – в круговом негодовании, на коротком отрезке времени модернизации? Мы ждали близкого взрыва в обществе. Усилилось словесное раздражение происходящим, в блогах и независимой печати по-диссидентски собирали изумляющие факты бездушия чиновников, и верили в проекты организованного саморегулируемого гражданского общества.

– Это невозможно – теряем страну! – говорили соратники. – Ты едешь в провинцию. Там здоровые силы. Оцени изменение обстановки на местах. Мы должны подготовиться к выборам.

Я не ощущал бодрости в себе. Ближние пристрастно вгрызались во время, вернее, в его блага, создавая историю, а я тащил служебную лямку, с потугами выживания, в случайных

связях с женщинами в опасении породить семью, вернее, узкую колею судьбы. Словно пере-
жидал деловитую суету времени, внешне успешный, но с ощущением полного проигрыша.

Что со мной? Безразличие перед последним днём битвы за души человечества, или
исчерпание одной из ветвей энергии вселенной? Почему постоянно ощущаю вину от чего-то,
словно не жил достойно?

В сущности, внутри меня, с тех пор как уехала моя любимая, всё застыло, как в чёрной
дыре рока, откуда не выбраться с помощью общественных тусовок, – то, к чему боюсь прикос-
нуться.

*Отошедшая жизнь – наша молодость
У метро – осенним леском.
Твои ножки, не зная о холоде,
Словно в сказке, кружили легко.
Странно: я в полноте современной
Умираю в том дальнем лесу,
Словно жизнь твою чисто, нетленно
За стволами в глубинах несу.*

Я, трагически гордясь, не видел выхода. Но иногда вырисовывались надмирные смыслы
моей жизни. Мог заплакать от иллюзии, возносящей меня из тени обыденности в некий мир
бездонной новизны, назовите это хоть «цельностью мироздания». Вспомнил недавнюю теле-
передачу о ледяных кольцах Сатурна, дивной бездне кривизны, порождённой катастрофами
во Вселенной. Если неизбежны катастрофы в солнечной системе, то почему не должна быть
неестественной гибель человечества на Земле, обращённой в белую ледяную пустыню? Вместе
с философом-одуванчиком и его музой-женой, их бессмертным заливом душ.

*Душа в раскрытый космос опрокинута,
Летит над поделённую Землём,
Где в одиночестве была покинута,
Как в клетке, обречённая судьбой.
Нигде грани, лишь светятся туманы,
Да и сама Земля – участник тех
Великих катастроф, законов странных,
Чья цель иная, чем лишь наш успех.*

Это «вознесение» и есть бессмертие, миг, который может провалиться в яму обыденного
сознания, или прямо в смерть.

Почему приходит трезвость, говорящая о пустоте смыслов? И тогда люди, и всё, что
вдали от моего центра сознания, воспринимаются слитно, ничем не отличаясь. Только проник-
новение в себя – тяжким усилием – позволяло догадаться, что происходит в другом. И тогда, в
минуту озарения, начинал видеть людей изнутри, – волнующимися, с угрозой гибели, близко
– у сердца! И тогда постигал реальность.

Утром пытался преодолеть себя бодрой зарядкой, но было ощущение, что делаю движе-
ния вхолостую.

Я погибал, и командировка была спасением.

И вот полёт – в неведомое. Впереди – воскрешение энергии, может быть, страх увидеть любимую, а на самом деле – надёжное потряхивание поезда. Я воскресаю только когда вижу незнакомые места.

Что я знаю о том крае? До настроения новизны у меня было предубеждение. Там сплошная коррупция. Администрация, прокуратура, суды – повязаны между собой, нацелены на крупные корпорации, дающие откаты, а малый и средний бизнес занят лишь выживанием. Из-за дикого строительства исчезают нетронутые места и речки, растворяются малые народности с их чудной символикой реинкарнаций, гениально просто устраняющей одиночество. И всё же я знал, что найду что-то нетронутое, чистое.

У едущих в поезде – простые цели, из житейских проблем, у меня – увидеть какой-то просвет, обновиться, что-то понять. Для чего – не знаю. Может быть, там, а не в крикливых сборищах, – истина?

* * *

Утром вышли в чистый вокзал с высокими сводами потолка, до удивления красивый. Гостей форума уже встречали: приятный пожилой директор известного агрохолдинга, с уложенной пеной-фиксатором причёской, как для фотографии, с живыми чёрными глазами, и представительница местной общественной организации – девушка с быстрым беспокойным взглядом. На ней был лёгкий сарафан, открывающий загорелые плечи.

Из приехавшей толпы встречающие выявили ещё одного, представителя оппозиционной партии с копной чёрных вьющихся волос на голове, весёлыми глазами и гламурной щетиной на лице. Это был пригласивший меня на форум друг моей молодости Олег. Когда-то мы вместе работали в провинциальной газете.

На сиденье автомобиля лежали зелёные рюкзаки – презенты для нас, в них документы, зелёные рубашки и кепи с козырьком, с эмблемой форума. Таких рубашек и кепарей с разных конференций у меня десятки на даче.

Мне было неловко: не нужен я здесь. Кажется, нас встречали как потенциальных ревизоров. Ощущение Хлестакова добавляло неловкости.

Директор за рулём разговаривал с севшим впереди Олегом – представителем набравшей силу оппозиции. Его пригласили, потому что не знали, чья возьмёт на предстоящих выборах.

Девица рядом обернулась ко мне своим смешливым курносым личиком.

– Был тут у нас чин. Застёгнутый, не разговаривал. Вы такой?

Я сделал строгий вид.

– А как же!

Она развеселилась.

– Мне предложено сопровождать вас до конца командировки. Меня зовут Светлана. Я русская, но у меня местные корни аборигенов.

– Будете моим Вергилием?

На загорелом лице удивление.

– Кем, кем?

– Вернее, Беатриче.

– Это лучше. Пусть будет ещё одно имя.

Она засмеялась, и мне стало легче.

Необычно яркий день ослепил первым днём творения. Так вот он, чудесный день, избавление от моей прошлой жизни, словно оказался на берегу неведомой планеты.

На пути, по сторонам потока машин, за глухим забором гроыхали вездесущие стройки, сопровождавшие всю мою жизнь, отчуждённо от нас шумел город. Он поразил своей чистотой, длинными неуютными дорогами, продуваемыми на розе ветров площадями и зданиями-ново-

делами частных застройщиков-нуворишей. Провинция, из беспамятства долгого обморока выбирающаяся куда-то. Это был уверенный мир, расширяющий свои владения, усложняющий различия и связывающий их, уходя во мглу новой утопии.

Впереди Олег вертел головой в шапке кудрявых волос, как бы не веря тому, что видел. Комментировал уверенным наглым голосом:

– У васплошь филиалы столичных торговых сетей!

Здесь совсем не то, что мне представлялось раньше! Оправдывалось моё смутное желание – ощутить наивную открытость провинции.

– У нас двести дней в году – солнце, – дружелюбно оборачиваясь ко мне, сказал директор.

В нём ощущалась сдерживаемая добрая энергия, растапливающая мой настрой чужака.

– Мы вас поселим в чудесном пригороде, в наших Черёмушках, за мостом. А сейчас прямо на форум, опаздываем.

Подкатили к величественному белому дворцу Правительства – «Белому дому», говорящему о гордыне местной элиты, подстраивающейся под общую горделивую тенденцию государства.

В солнечном утре было какое-то напряжение. Вдали, за оградой дворца, цепочкой стояли омовцы в касках и с дубинками, колыхалась толпа, на высоко поднятых баннерах я различил непонятные надписи «Отдайте санаторий народу!», «Кибиров, уходи в отставку!», «Власть самоуправлению!». Здесь, как и по всей дороге, стояли постовые милиционеры.

– Это стояние наших на площади, – бойко сказала Беатриче.

Белая разливка придворцовой площади ранжировала автомобили «винов» и остальной массы. Без этого порядка невозможно было обуздать толпу прибывающих людей.

Оставив вещи в машине, мы поднялись на прозрачном лифте в конференц-зал.

У столов регистрации делегатов людно.

Матёрые чиновники-руководители, потеющие в костюмах с галстуками, и ухоженные независимые общественные деятели, привычные к подобным мероприятиям («винов» из центра не было, их увели в почётную комнату президиума).

Мелкие чиновники – в подавляющем большинстве принимающие с восторгом и почтением высокочтимое мероприятие, не видящие в нём ничего, кроме приобщения к грандиозному общезначимому действу.

Независимые частники – люди бизнеса «себе на уме». Много молодых людей, без галстуков – признак новых веяний, и робких студентов, прикреплённых к «випам» и обслуживающих остальных делегатов.

Сколько народу, верящего в незыблемость происходящего! Убеждённых в необходимости таких собраний людей, представителей различных отраслей, лучащихся проектами общественников! Форум пригласил гостей даже из смежных восточных стран.

Для меня это привычно: часто безоглядно ввергался в лучезарные намерения подобных форумов, конференций, расширенных совещаний, ещё с эпохи тоталитаризма отлившихся в торжественный ритуал. Хотя в наше время возникли такие средства связи, в том числе видеоконференции, телемосты, что подобные сборища должны бы отмереть.

В незнакомой среде я жался к Олегу, с другом надёжнее. Он, как приехал, с гламурной щетиной на лице, в джинсах и пиджаке, под ним только модная белая майка, из уголка треугольного выреза курчавилась волосатая грудь. К нам прицепился его противник по партийной борьбе политолог Гурьянов, с острым носом на худом лице и бегающими точками глаз в круглых очках с чёрной оправой, аккуратно одетый, в карманчике белый уголок платка. Его сухое личико напряжено, словно готово к смертному бою.

Позади моя Беатриче – разбитная Светлана.

Тема форума была всеобъемлющей – о модернизации региона. Нам роздали красивые папки с документами – программами форума и сценариями круглых столов, проектами рекомендаций и постановлений. Был и глянецовый журнал «Приглашаем к сотрудничеству!». Это был глянец успешных дел и больших перспектив, «энергичного экономического пульса» края, бодрые отчёты министерств, комитетов, деловых советов. И множество цветных фотографий руководителей страны, края и предприятий-флагманов.

Привычные документы форума сочинялись старательными исполнителями аппарата обычным нормативным сленгом, скрывающим трудности экономики и существования людей за округлыми фразами об улучшении, содействии и т. д. Абстрагированные шаблоны сущностей, когда-то сформулированных экономистами и партийными функционерами. Но документы светились командировочной новизной.

Участники, не задействованные в сотворении текстов, были заранее настроены на принятие знакомых фраз, и оттого невозможно было вырваться из скучной торжественности события.

В президиуме расселись по ранжиру руководители центральных и местных министерств, вёл заседание молодой замминистра с чёрными волосами нацмена, энергичный и словно навсегда уверенный в уместности его пребывания на земле.

В перерыве после открытия форума мы вышли покурить у входной двери Белого дома (во всём городе запрещено курить в помещениях). За оградой, за рядами омовцев, что-то выкрикивала толпа с колыхающимися над головами плакатами.

Молодой черноволосый замминистра, что вёл заседание, вышел, показалось, вслед за Светланой, его энергичное лицо было решительным.

– Как вам форум? Выдержали достойный уровень. И перед иностранцами не стыдно.

– Просто они не знают языка, – непринуждённо сказала Светлана, беря сигарету из моей пачки.

Он глянул раздражённо, показалось, что они знают друг друга давно.

– Что ты хочешь сказать?

– А то, что ваш форум не для людей, – поразила она бесстыдной откровенностью.

– Мало тебе вызовов в прокуратуру? Ищешь приключений на свою симпатичную попу.

Я удивился, но не подал вида.

– Показуха! – поддержал Гурьянов. – Стоит отъехать в глубинку...

– Но, но! – осадил его Олег бодрым мальчишеским голосом. – Не агитируй электорат, его здесь нет.

Замминистра был спокоен, видимо, закалённый обличениями, хотя его юмористический тон исчез.

– Как можно слепо бить наотмашь! Сколько сделали, разуйте глаза, посмотрите на город, на совхозы-передовики! Регион перестал быть донором. Я несколько лет не был в отпуске.

– На то ты начальник, – уязвил в самое сердце Гурьянов. – Пока народ в нищете, он не замечает ваших успехов.

Светлана хмуро молчала.

– Дело не в вас, – доверительно сказал Олег. – Не в том тоне начался форум.

Замминистра бросил сигарету под ноги и круто повернулся.

На пленарном заседании моя Беатриче весело сказала нам:

– Дальше всё известно. Может, выйдем перекусить? На халяву. Вот, вместе с моей подругой.

Красивая толстушка с круглым лицом и чёрными бровями – контролёр известной в городе и области кондитерской фабрики, застеснялась:

– Эльнара.

– Редкое имя, – снисходительно улыбнулся Олег. – Давайте все по имени, чего там.

– Эльнара по древнемусульмански «Свет родины», – сказала Светлана. – Но можете называть её «Сладкой женщиной». Хотя она у нас неприступна.

Та покраснела, бросила недовольный взгляд на подругу.

Вышли и побрели по этажам в поисках халявного буфета для участников.

Светлана вертелась, похохатывая. Эльнара дёргала её за рукав.

– Ну их. Я тоже была чиновницей. Пыталась внести в программу что-то живое. Вывести на чистую воду тех, кто изгадил природу, распродал берега и острова. Но они не приняли, только странно посмотрели. И выгнали, не знаю почему. Работала честно, говорила, что думаю. А они набросились. Что ни сделаю, всё подсудно. Что за характер такой?

Она, словно танцуя, выговаривала слова чётко, с беспечной, безоглядной откровенностью, что придавало ей очарование.

– Вы не подумайте, – защищала подругу Эльнара. – Она у нас известная общественная деятельница. И главный эколог, и правозащитник.

Олег с видом ловеласа держал Светлану под руку. Я любовался её непринуждённостью. У неё, наверное, стандартные мозги. Но привлекали голые плечи, загоревшие в турпоездке в Анталию.

Я пытался разговорить бесстрастную Сладкую женщину – отвлечение от голых плеч моей Беатриче, но та была немногословна.

Обедали в шикарном ресторане, с цветами в кашпо, вьющимися по стенам, каждый столик уютно отделён бежевыми деревянными стенками, в приятной полутьме звучит тихая музыка. Настоящий райский уют!

За столом руководства командовал густым голосом тамады энергичный замминистра.

Напротив наш стол, за ним разговаривали Олег и встретивший нас маленький энергичный директор агрохолдинга «Разинский». Как нам рассказали, он начинал с нуля, взял кредит, приобрел земли для выращивания экологически чистых овощей и картофеля, без помощи властей каким-то чудом арендовал дополнительные мощности, хранилища, купил европейское оборудование по сухой чистке, калибровке и расфасовке продукции, и поднял предприятие до всероссийского уровня, его фуры показывали на боках огромные рекламные логотипы по всему городу. Теперь агрохолдинг считался гордостью края.

Рядом со мной опасно задевает голым плечом моя Беатриче, болтая с подругой. Сбоку смиренно сел известный краевой писатель, лысый старик с добрым раздавшимся лицом и седыми кустами бровей, его книга о природе и людях края была в папках делегатов. Около него скромно приютился крестьянского вида защитник лесов, поразивший меня своей независимой программой «окедривания» города. Предельно простой: по одному саженцу каждому школьнику – и город будет в кедровом лесу.

Из глубин прохладного ресторана бесшумные официанты выносили подносы с неплохо пахнущими блюдами.

– Тихо! – скомандовал замминистра. – Здесь собраны работники лучших хозяйств. Пусть чернят нас оппозиционеры – вот положительные примеры. Здесь всё лучшее. И этот ресторан.

– Прямо с доски почёта! – бодро сказал Олег. – Вся парадная сторона края. А других нет?

Замминистра со своего стола кинул на него взгляд, как будто угрожали его карьере. Все оглянулись на Олега. Моя Беатриче закрыла всё времядвигающийся от еды и разговора рот, и почему-то похлопала в ладоши.

Вечером нас повезли на машине через длинный мост на противоположный берег реки, где располагались знаменитые Черёмушки. Ехали вдоль берега, к плёсу – месту отдыха горо-

жан. Плоская полоса реки не походила на воспетую старинную великую реку, словно её насильно лишили величавости. Об этом говорил только далёкий противоположный застроенный берег. Скрытая безбрежность великой реки волновала.

За изрытой кривой дорогой, дальше от берега, уютные дачные домики мелкого чиновничества с огородами и баньками, – из одной вышел голый пузатый абориген – знакомый нашим спутникам клерк, мы ему помахали.

У самого берега, в березняке, пестреющем старым хламом, в песке деревянные столы и лавки. А слева, далеко на излучине, в низине клубится зелёная роща и недосыгаемо выглядят коттеджи местной элиты, на месте выселенного туберкулезного санатория. Там, в резиденции губернатора, руководство организовало приём высоких столичных гостей. А нам откомандировали встречавшего нас директора агрохолдинга – провести отдых на лоне природы. Он всё время звонил по мобильнику, матеря кого-то. Видимо, продолжал работать.

Наши новые друзья, хозяева, в весёлом предвкушении разгрузили из микроавтобуса продукты. Они посадили почётных гостей на лавки по одну сторону, а сами сели по другую. Это те самые наивные и честные провинциалы, кого я предполагал встретить. Их гостеприимство, доброта были естественными, из прошлой малонаселённой окраины, всегда открытой прищельцу. На усмешки Олега отвечали доверчиво, не подозревая подвоха.

Рядом со мной на скамью плюхнулась моя Беатриче, точёная, как из полированного дерева, слегка прикрытая лёгким цветным сарафаном.

Встав на песке, выпили из бумажных стаканчиков за гостей.

– Как у вас насчёт чёрной икры? – невинно спросил Олег. Он был серьёзен, явно уязвлён тем, что его не взяли на пиршество центрального руководства с губернатором.

– Вы о чём? Такой не слышали, – весело отрезал директор.

– А осетры? – пренебрежительно понюхал какую-то отварную рыбку Олег.

– Такой рыбы не знаем.

– Её давно здесь нет, – вздохнул писатель.

Гурьянов съязвил:

– Гербом края станет зубастая болотная рыба, с толстой шкурой, что не счистишь.

Олег не мог смириться.

– А там, у губернатора, небось, едят и чёрную икру, и осетров. Почему вы смиренно принимаете всё, как есть?

Местные молчали, им было неловко.

– Так заведено, – скромно ответила Эльнара.

Олег помрачнел.

– Гибель рыбы – к концу света. Что же здесь произошло, какие катаклизмы? Может, перемена климата?

– Похоже, так! – нервно почесался Гурьянов. – Прежнее изобилие большевики сократили, а либералы совсем уничтожили.

Олег глянул на него снисходительно, привыкший к нападкам на либералов. Местные были смущены.

– О наших делах вы знаете понаслышке, – сказал директор, почему-то усталым тоном. – То есть, постоянно не жили.

– А чего у вас осталось? – небрежно бросил Олег.

– Много чего, – ласково сказал писатель. – Это надо почувствовать. Прочитайте мою книгу.

Мне нравился этот безответно добродушный писатель.

– Уже просмотрел! Я восхищён! – вскричал Олег тоном кота Бегемота и вытащил из папки голубую книжицу с тёплой надписью автора. – Какая чистота местной души! «Когда справляли новоселье, рыбаки, как водится, пустили в новый дом котёнка. А на дворе, в собачью

конуру, поместили щенка с лисьей шубкой и мордочкой, по кличке Пулька, в курятник – петуха Петра. Все они прижились, значит, ко двору». – А стиль! – восторгался Олег. – Праведных отшельников.

Писатель смотрел на него добро, как на шалуна.

Моя Беатриче бедово бросила:

– А давайте споем! Затопи ты мне баньку по белому...

Взметнула мотив таким дурным голосом, что все стали хохотать.

Она не смутилась. Мы с Олегом разноголосо подхватили:

– Я от белого света отвык...

Она неожиданно оборвала, и голоса тоже сникли.

Снова выпили. Писатель добродушно рассказывал об уникальном крае. Его рыхлое лицо с седыми кустами бровей расплылось радостью. Я воображал, сколько дорог он обошёл, и каждую изобразил, хотя бы мысленно, – всю его жизнь сказочного Берендея.

Олег вторил цитатами из голубой книжки:

– «Григорий Калистратович заготавливал себе дрова в лесу, жена Любовь Ивановна поместила в клетку крольчиху Кралою. Пулька шагнул навстречу, но та шлёпнула его лапой и забила в угол. Пётр захлопал крыльями». А ты, отец, до сих пор в осаде тоталитарного режима, уходишь в природу!

Я знал, что Олег проповедовал концептуализм.

Эльнара оживилась, стала рассказывать о своём предприятии.

– У нас все молодые, директор тоже молодой душой. Шумно, интересно.

– А сколько у вас в крае получают? – снисходительно спросил Олег.

– Двенадцать тыщ в среднем.

Олегу стало больно за аборигенов.

– Как на такие деньги можно прожить? Модернизируемся, а народ всё равно живёт в нищете! Как сто, тыщу лет назад!

Эльнара улыбнулась.

– А что нам! В регионах у всех такая зарплата. Здесь жить дешевле.

Писатель извиняющимся тоном сказал:

– В наших людях осталось духовное богатство! Вы почувствуйте – в каждом есть спокойствие силы, она не даёт падать духом в нищете. Весь край живет на подъёме.

Глаза Гурьянова остро блеснули в чёрной оправе очков.

– О чём вы говорите? Это раньше в нас была духовность. Люди были бескорыстны и благородны. Вспомните молодость – мы горели великими стройками. Чистым огнём! То был особый, удивительный мир, который умирает сейчас катастрофически. Для меня заменить его нечем, и моя боль никогда не смирится.

– Фальшивым огнём горели! – бодро сказал Олег. – Ты-то жил хорошо, делал карьеру. Несмотря на то, что отца посадили.

– Да, мой отец был репрессирован! Но это не отменяет великую идею! А что сейчас, мирно? Куда привели либералы?

О чём они? Я ощущал блаженство, как телёнок, и не нравилось возвращение к спорам из прошлой жизни.

– Не трожь либералов! – Олег угрожающе нацелил пластмассовую вилку на Гурьянова.

– Нет смыслов, нет веры. У либералов нет идеи.

– Смысл в том, чтобы жить. И хорошо жить. Без идеологий.

– Кому хорошо жить? И как жить? – горестно спросил Гурьянов, беззащитно оглядываясь. – Без веры, без цели?

Мне стало неловко перед гостями.

– Это они оттачивают искусство диалога. Ищут истину. И учтите – без мордобоя.

Директор примирительно сказал:

– Нужно работать по совести, без захватов чужого.

В спор робко встряла Эльнара.

– У нас в Черёмушках добрые люди, делятся последним, доверчивые, даже двери на замки не закрывают.

Что это за свободные Черёмушки, где нам предстоит поселиться?

Стало зябко у галдящего стола, уютно замкнутого в пьяных разговорах. Моя Беатриче решительно встала, восхитительно перелезла через меня и пошла прочь, к берегу. Я подождал, и почему-то поплёлся за ней по песку. Фигурка её казалась затерянной у розовой бездны воды, на фоне зари. В глазах её увидел тоску.

– Не люблю пустых разговоров, – не глядя, отрывисто бросила она.

– А мне здесь всё нравится. И вы.

– С чего бы? Вы презираете нас. Думаете, тупые? В Москву, в Москву? Блистать на подмостках?

Она зябко поёжилась, обняв плечи, хотелось прикрыть её.

– Я, наоборот, рвусь в провинцию. Я ведь провинциал.

– Дело не в месте.

– Да, дело не в месте. Мы никуда не ходим, и Кремль толком не видели.

– И мы на Волгу не ходим. Что там делать?

– А чего же вы хотите?

– Ха, ха. Так бы я тебе сказала!

Я бы сказал тебе, чего я хочу.

Помолчав, она продолжала:

– Вот, прочитала в одной книжке стихов, нашла на помойке: «Я болен болезнью дикаря, вокруг которого – небо и море. Как чистый лист, первозданно восходит заря, но племя стоит, затеряно в вечном просторе». Если хочешь знать – мы такие дикари.

И спохватилась:

– У нас всё проще. Здесь борьба за власть, за бюджетные деньги. Губернатор – миллионер, захватил лучшие природоохранные места.

Её инициативная группа боролась за возвращение санатория в низине с целебным воздухом, отнятой для коттеджей чиновничьей элиты. Так чуть не пристрелили. Мафия. Её искала милиция, самооборона в Черёмушках прятала.

– Мы тут как заноза. Наши программы не принимают. За протесты запросто могут посадить.

– А муж поддерживает?

Она споткнулась.

– И не было никакого мужа!

И продолжала:

– Уже появились новые настроения. Как перед грозой. Ничего не боятся, режут правду-матку в «ящике», и в газетах. Даже прилипали вслух выражают недовольство. Я тоже воспрянула, продолжаю бесить начальство. Оно поняло, что могут скowyрнуть, и мы стали опасными. Видели демонстрацию на форуме? Будет ещё веселее – многотысячная демонстрация. Говорят, ОМОНу отменили выходные.

– Разве это изменит что-то?

– Может, и не изменит. Просто уже надоело.

Возбуждал исходящий от неё лёгкий холодок опасности. Мне казались мелкими пустые выходы на демонстрации, хотя бодрит физическая опасность. И живой эфир на экране, с кусанием за икры власти, и отделённые временными промежутками страсти в печати. Как изрёк

Конфуций: «Когда я участвую в тяжбе, я не лучше других. То, чего я стремлюсь достичь в первую очередь, так это вообще не принимать участие в тяжбах».

Мое равнодушное отношение к власти её как-то не злит, хотя ощущаю враждебную стену. Боюсь, что злю я. Может быть, власть мне безразлична из-за относительной самодостаточности? Самодостаточные и обеспеченные удивляются: чего это радикалы мутят! Из опасения, что могут устроить хаос, то есть отъём того, что накопили непосильным трудом.

Всё гораздо сложнее. Для меня олицетворённого зла нет. Оно – в отношениях, замороженной глухоте друг к другу, вызывающей злые ответы и действия. Эту проблему наскоками не решить. Разве можно изменить личность каждого в целой массе людей? Всегда найдётся сволочь, что украдёт, изнасилует, зарежет, бросит бомбу в метро. Но никто не знает – в результате какого-нибудь общественного потрясения может произойти чудо: люди заговорят стихами. Жизнь непредсказуема.

Я решился спросить.

– Ищу однокурсников, где-то здесь. Учились вместе, как одна семья. Может, знаете?

– Хотите сказать, девушку?

– И её тоже.

– Не, не знаю. Здесь, на нашей окраине, затеряться недолго. Поселилась тут одна, в Черёмушках.

У меня ёкнуло сердце. Она резко оборвала разговор.

– Ну, вот! Не дал побыть одной. Побежали!

За столом уже сворачивались.

Ехали в гостиницу в уютной темноте среди садов и белеющих домов за низкими декоративными штaketниками заборов.

– Наши Черёмушки! – оживилась Светлана. – Мы здесь живём, и нигде больше не хотим.

Гостиница в Черёмушках похожа на дворянскую усадьбу – дом с колоннами в парке. Приятный для глаза, по новому учению «видеоэкологии». Разобрали с Олегом вещи. В регистратуре встретили пьяную компанию с привычной терпеливо вежливой настороженностью. Светлана что-то сказала, и мы ввалились в номер, небольшой, с продуманными удобствами, до мелочей, с ванной, холодильником и телевизором.

Местные стеснялись, как в чужой квартире. Писатель и незаметный защитник лесов чинно сели на кровать, благожелательно глядя на галдящих молодых. Директор, со сновкой бывалого таёжника, и Гурьянов распоряжались с принесённой едой и напитками. Все забыли о должностях и убеждениях, в празднике общения, пили из одной бутылки на брудершафт (в номере стаканов было всего два). Даже Гурьянову не было повода для спора.

Светлана включила плеер на животе – и пошла залихватски плясать. Олег поймал её за талию, пытаясь целовать загорелые плечи, неуловимые для поцелуев губы.

– You are women, I am man, – пел он. – Let's kissing. Давай поцелуемся! Как соратники по борьбе!

Его наглость была мне противна. Я пригласил Эльнару, из ревности тоже пытался её обнять, слыша откровенный смех Светланы.

– Отойди, постылый! – отмахивалась она от Олега. – У нас так не принято.

И запела:

– Мужчины вы, мужчины, коварные сердца...

«Сладкая женщина» по-бабьи заголосила с застывшим лицом:

– Вы любите словами, а сердцем никогда!

Я почувствовал облегчение. Эльнара стыдливо отодвигала толстую щёку. Её не удалось расшевелить. Что-то древнее, хранящее целомудрие, было в её натуре. Память старинного обычая аборигенного народа.

Моя Беатриче бесцеремонно отобрала меня у подруги, обняла и закачалась, тесно прижавшись.

– Это ты? – шепнул я ей в ухо.

– Это я, – без удивления сказала она.

Олег не выдержал и вмешался в наше качание.

– Эй, полегче! Изменяешь Сладкой женщине? Давай, Эльнарочка, им тоже изменим?

И взял за талию покорную Эльнару.

Светлана обернулась, крикнула своим безоглядно откровенным тоном:

– А что, тебе не слабо жениться? Давайте поженим мою подругу с Олегом! Соглашайся, подруга, представляешь, поедешь в столицу, будешь в центре политической жизни, вместе будете брать власть.

Олег несколько опешил.

– А что? Звучит: я и Эльнара Олег ибн Сидоров.

Светлана зажглась перспективами подруги, и мы с ней наперебой стали дополнять её новую жизнь увлекательными подробностями. В захмелевшем взгляде Эльнары мелькнул невозможный интерес, смутная обида, и она замкнулась окончательно.

Писатель внимательно смотрел на веселье молодых, и только пробовал напитки. Он не мог углядеть ничего плохого в живых существах.

Выпивший директор веселился естественно и с полной отдачей, как всегда действовал и говорил. Рассказывал о своей первой любви.

– После армии, в Перми, узнал, что любимая девушка не дождалась, вышла замуж. С тех пор всегда хотел встретить. А недавно к нам с делегацией приехала... однофамилица? У меня был испуг. Мне сказали: посмотри в зеркало! Хочешь увидеть такую же старуху? И я не стал с ней встречаться.

От этой искренности я отрезвел, увидел его другим. И тут же его отвлёк звонок мобильного телефона.

Светлана, в танце прижавшись щекой, шептала мне в ухо:

– Наш директор мудр и хитёр, как лис. Много пережил. Предательство в любви, рейдерские захваты фирмы – наша самооборона отбила.

– Какая самооборона? – шептал я в её ухо.

– Не знаю, чем кончится, – вдруг сказал директор. – От меня требуют отказаться от поддержки нашего самоуправления.

Олег приобнял его.

– Надо продержаться. У нас есть серьёзный план поддержки, отец.

Мне стало жалко директора. Вдруг понял, что его кипучая деятельность, хотя и принесла признание и некоторое успокоение, но надорвала его неиссякаемые силы. Сумеет ли он пережить ещё одно лихое десятилетие?

Гурьянов любовно поправил уголок платка в карманчике пиджака.

– Чего ждать? Им на нас наплевать, надо поднимать народ. Весь мир засилья мы разрушим. Звучит по-новому, а?

Мы провожали наших гостей по дорожке между садами – все они жили здесь, в Черёмушках.

Светлана болтала. По её словам, жизнь здесь не то, что в центре – скучнее и проще: более открыто выраженная борьба (меньше чего делить, разве что приватизируемые старые предприятия, бюджетные деньги и власть); торговлю захватили филиалы столичных сетей; наивные люди, увлечённые в бездны предпринимательства, но измотанные постоянными поисками разных уловок, чтобы дело шло и развивалось; власть, лоббирующая свои уполномоченные предприятия и фирмы при принятии решений, в газетах, на телевидении и радио; свои политики – оппозиция, готовящаяся к местным выборам, ожидающая поддержки от вас, оппозиции из

центра; своя мафия, проникшая во власть, убийства при дележе бюджетных денег; более откровенные, чем в столице, журналисты, открыто за деньги рекламирующие те или иные политические и мафиозные силы; свои чудачки – правозащитники и независимые газеты, смело вступающие в схватку с властью, старики, возделывающие на своих клочках земли ботанические сады из диковинных местных растений и деревьев.

– Но наши Черёмушки – в стороне от этой тусовки.

Молчаливый защитник лесов сказал мне на ухо:

– Вы со Светланой не вяжитесь. Могут и того...

– Чего того?

– Опасно.

Мне это показалось странным.

Мы с Олегом распаковали вещи, лежали на кроватях, в изнеможении от полноты событий командировки. Олег лёг поверх постели, голым натренированным телом с волосатой грудью и ногами, – экземпляр сытого, довольного своим сложением и здоровьем плейбоя. Мне без привычки было неловко раздеваться, совершать интимные действия перед посторонними волосатым чужаком. Он сладко ёжился на постели – в конце утомившей энергии дня, закинул руки за голову, с наслаждением содрогнулся.

– Женщины так же нужны, как непреодолимое желание потягиваться.

Я воображал мою Беатриче, и снова удивлялся, что во мне нет былой скорбной пустоты.

– Они меняют нашу жизнь, – сказал я. – Женщины созданы, чтобы стать нам родными. Это же половина мира, где действует любовь и нежность. Странно, могут излечить сами по себе, без всеобщего счастья.

– Ну, ты идеалист!

Знал бы ты, что знаю я.

– У тебя есть жена?

– Была. По ней и сужу о бабах. А если кончится любовь? Надоедят, или лишат свободы? О чём подлинные мысли женщины, можно догадаться по тем бабам, кто воплотили все желания. Одна богатая старуха вышла замуж за двадцатилетнего: удовлетворила свои комплексы.

Трезвый Олег, видно, тоже был под обаянием Светланы.

– Хотел посмеяться над простушкой, но загляделся на её плечи, – мечтал он. – Даже забыл, зачем приехал. Как Чехов, увидел гордую бурятку на коне, она презрительно глянула на его шляпу, хлестнула коня и ускакала.

– Что ты хочешь сказать? Я не вижу её простой.

– То-то она к тебе льнёт.

Во мне возникло нечто тупо горделивое.

– Что ж, и Эльнара симпатичная сладкая женщина, – сказал Олег. – Жаль, что ты не видишь в ней поэзии.

Он говорил, что пробовал писать стихи, но понял, что не его. Не было нужного забвения, хотя поэзию любит. Ему хватало того, что даёт податливая реальность, – риск, обаяние власти, женщины, тяга к готовке кулинарных блюд. В нём поражало неумение быть одиноким, несчастливым, словно родился на виду и легко переживёт любую беду. И потому не было сожалений и жалости.

Засыпая, он бормотал откровения:

– Снаружи между нами и бабами отношения пайнек. Они не догадываются, что в воображении мы делаем с ними всё, что хотим. А узнали бы – скорее, приятно изумились. Так уж устроено – мы фальшивы вне нас.

Мы заснули в ослепительных волнах, где волшебным образом исчезает негодование устройством жизни.

* * *

На втором заседании продолжалась торжественная скука нормативной правды. В начале дали слово высоким представителям из центра – они по обыкновению куда-то торопились, хотя здесь, в командировке, это могли быть только приятные прогулки на губернаторском катере. Записанные же в программе выступающие стремились высказаться в присутствии начальственных лиц, достучаться, чтобы те их услышали, пока не ушли.

В докладах было словесное оформление планирования зыбкой живой жизни: описывалось состояние обстановки, весьма правдоподобное, нужное для предлагающего решение, логически выводимое из неких каузальных связей. Таким образом сырая жизнь схватывалась в бетон программ, на время или большую перспективу. Метод зомбирования нормативностью не был изобретён, он был всегда, со времён Иисуса, но особенно глубоко проник в советское семидесятилетие.

В зале не были настроены на выслушивание успехов. Гурьянов, дежуривший у микрофона в зале, весь устремился вперёд, – с выпученными глазами в чёрных ободах круглых очков он выглядел устрашающе.

– Скажите мне, господа хорошие, а что вы сделали путного для простого человека? Не для абстрактного народа? Это как после афганской войны – солдаты вернулись в страну, где оказались никому не нужны. Как можно! Как можно!

Он повторял давно знакомое всем: власть не даёт ничего населению, хотя твердит о приоритете социальных программ, власть принадлежит олигархии, получившей лучшие куски экономики, она, как богач, не способна братски поделиться с бедным населением, потому что нет на неё узды, обязанности помогать, и только страх перед бунтом и изгнанием вынуждает отдавать ему крохи.

– Забюрократили конференцию! – заволновались в зале. Очередной докладчик из центра заторопился, стремясь донести важные цифры в длинном выступлении.

Молодой закалённый замминистра в президиуме схватил микрофон.

– Ничего подобного! Вы должны увидеть общую цель, выработанную экономической наукой, как бы это ни было скучно. На основе анализа состояния региональных уникальных проблем. Это программа, выработанная правительством и губернатором. Не срывайте, пожалуйста, заседание.

В шуме весёлых протестов так и не дали докладчику донести окончательное доказательство, и он, уязвлённый, сошёл с трибуны.

К трибуне уверенно поднялся столичный гость – представитель набравшей силу оппозиционной партии Олег Иванович, всё такой же – с гламурной щетиной на лице, в джинсах и модной белой майке под расстёгнутым пиджаком. Молча и нагло воззрился в чинный зал. Шум стих.

– У вас ещё сохранилась искренность и честность народа, способного к свободному творчеству.

В зале бурные аплодисменты. Он мощно заиграл молодым голосом.

– Но о беспомощности властей говорят эти документы форума, их тупой сленг. Насколько ещё живы предрассудки людей, выращенных в прокрустовом ложе тоталитаризма! Пётр Первый требовал от каждого говорить своим языком, чтобы дурь его видна была. Застывшая логика мысли в ваших докладах, может быть, будет любопытна через тысячу лет, когда их откапывают как артефакты окаменелостей истории.

В рядах редкие хлопки.

Замминистра, в президиуме, не смутившись, глянул на выступающего.

– Зато сленг либеральной оппозиции призывает к хаосу. О вас вообще не вспомнят, потому что вы всё разрушите.

– Пора перестать ставить на эту власть, – продолжал Олег. – Это надо внести в резолюцию: опора только на самоорганизацию!

Замминистра улыбнулся.

– Так и запишем в резолюцию: от власти нам ничего не нужно, обойдёмся без неё.

Олег, не смущаясь, произнёс страстную речь о будущих переменах после того, как его партия выиграет выборы. Не сомневайтесь, уже сейчас прогнозы показывают превосходящую поддержку населения.

У него было преимущество перед остальными ораторами: верил так, что мог говорить без бумажки и бесконечно, даже если разбудят. И чувствовалось, что пойдёт на всё, даже если арестуют, желательно не больше, чем на пятнадцать суток. И выйдя, заросший и с нездоровой кожей лица, будет проповедовать с петлёй на шее. В нём горел огонь Данко.

Замминистра пощёлкал по микрофону, чтобы остановить оратора.

– Вы приехали издалека, не знаете наших достижений.

– Понаехали тут, да? – гоготнул Олег, сходя с трибуны.

А у трибуны уже оказалась моя Беатриче. Она не удосужилась переодеться – была в лёгком сарафане со спадающими с загорелых плеч бретельками. Повела по залу очами.

– Я не хотела выступать, это стихийно. Что за ерундовина происходит? – И удивленно глянула в президиум. – Вы как будто стараетесь спрятать настоящую жизнь под формальными словами. А ведь как это просто! Возьмите и снимите цепи ваших постановлений, опутавших людей. Дайте нам свободу! Неужели так трудно, а? Я прошу вас, будьте мужчинами.

Она просительно посмотрела в зал, там смеялись и хлопали в ладоши. В президиуме потные «випы» в костюмах и галстуках не поняли, в залежи их привычек такое не входило: откуда взялась эта провинциальная дура без руля и без ветрил? Замминистра нервно придвинул микрофон.

– Почему вне программы? Тебя же уволили! Иди домой.

– Вот-вот. Я знаю изнутри всю вашу лавочку. Возьмите хотя бы экологию. Как вы исхитрились привести к разрушению и деградации водную систему, луга, дубравы, плодородные почвы?

Зал услышал узнаваемое, одобрительно зашумел.

– Будьте корректны! – перешёл на «вы» замминистра, и обратился к залу. – Это же из-за отсутствия осадков долгое время. Засушливое и маловодное лето, уменьшилась площадь и глубина водоёмов, погибла рыба, от засух – пожары, засохли озёра. Суровые зимы, промерзания водоёмов, отчего были массовые заморы рыбы. Крайне низкий паводок – рыба шла только в основные ерики. Конечно, и нерациональный расход воды. На этих трудностях легко раскачивать лодку.

– Да, виновата погода! А сами потакаете браконьерам. Мы видели, при гостях, на другом берегу браконьеров, которые ловили неводом рыбу, открыто и нагло. Кому они дают откаты?

Замминистра бросил на неё такой взгляд, словно для неё всё было предreshено.

– Ничего не можем поделать, нет закона о браконьерстве. Это к федералам.

Боязливый защитник лесов шепнул мне:

– Это не первый раз. Они всё время ссорятся.

Олег с места крикнул, на людях его голос становился зычным:

– Дело не в мелочах. Мы видим, что у вас всё прогнило, в руководство надо набрать новых, молодых и независимых.

– У нас и так молодым везде дорога! – ободрился замминистра и победоносно огляделся. – Каждый местный скажет. И я не старый.

В президиуме и в зале поднялся гневный шум.

– Кто их пригласил?

Когда улёгся шум, заседание вошло в обычное русло. Дали слово мне.

Я рассчитал хитро – говорил их же суконным языком, иначе не поймут и посчитают болтуном. Но суть была в том, чтобы приблизить к настоящей реальности, к поэзии то, что говорил прозой. В моей уверенности, что взаимная ненависть власти и оппозиции не даёт ничего. Поразить врага можно не концепциями, но конкретным бизнес-планом всеобщего объединения честно работающих – от властных структур до малых предприятий – в единую корпорацию «на горизонтальном уровне», куда могут войти все организации и предприятия, вплоть до научных и образовательных, даже малые, которые сейчас никому не нужны.

– Там все, кто вольётся, восполнят недостающие звенья. Это и есть необходимость друг другу, настоящее партнёрство и братство. Насколько легче было бы власти доходить до самого низа, который она видит лишь статистически! Это не утопия, а практическое слияние бизнеса с нравственностью.

Оказывается, я проповедовал тот самый «залив душ», о котором говорил одуванчик-философ. Или казался босым Ганди с его непротивлением злу насилием.

Никто не осмеивал, ведь я рассказывал о собственном опыте создания такой «эвристической» структуры – моей организации. Но слушали вяло – моя речь была без «жареных фактов», беззубой, как поэзия, не задевала самолюбий элиты, ничьих интересов.

В перерыве мы с Олегом вышли за ограду Белого дома.

Перед глазами – уходящие ввысь белые высотные столбы-здания правительства среди огромной площади парка, подчёркивающей их горделивое одиночество. Здания и улицы расположены так, что создают неуютный ветер. По длинному проспекту здания бизнеса, филиалы столичных сетевых магазинов с яркой рекламой и удивительными слоганами. Странное совмещение когда-то степного пространства с деловитым прямоугольным планированием современного рационального разума.

Где-то здесь живёт она, и я собирался найти её по справочной.

Прошлись в толпе по улице, глядя в большие окна магазинов – на секции с разноцветными тряпками, уникальными товарами народных промыслов, бутылками с надписью «Шумящий родник» из знаменитого природного источника. Там, внутри звучала тихая музыка, душа отдыхала в изобилии товаров и продуманной логистике типовых торговых залов самообслуживания.

– А городок дошёл до нужной кондиции, – рассуждал я, гуляя в полной отключке от прежней жизни. – Наконец, перестал быть уютным. Сплошное мельтешение, тараканы бега.

Олег, шагая по-хозяйски, продолжал в моём тоне.

– В урбанистической цивилизации человечество перестало быть здоровым, женщины перестают рожать.

– Нужен иной тип отношений. В поселениях, где можно сохранить полноценную личность. Агрохолдинги, рекреационные зоны.

– Да, – остановился он. – Как у толстовцев, распространивших свои поселения по миру. Они оказались тоталитарными сектами.

Я понял, что он меня разыгрывает.

– Я о цельности человека в мироздании. Это тебе не толстовцы.

– Ещё один Руссо – о возврате к природе. Утопия! Создана прометеевская, фаустовская цивилизация, с этого пути не свернуть. А что до оазисов, то они есть – рядом с природой.

– Например, Рублёвка?

– И она тоже.

Часто моё обычное состояние при женщинах – это аура влюблённости, и тогда они тоже открываются чем-то лучшим в себе. А когда ауры нет, не вижу, что так возносило, не понимаю, кто я. Тогда кто-нибудь спрашивал голосом Иосифа Виссарионовича: «Почему у тебя глаза бегают?»

Но сейчас я чувствовал себя влюблённым. Мы со Светланой и подругой сбежали с очередной скучной лекции на воздух. С ними гораздо приятнее, чем с Олегом.

– Баба с возу – кобыле легче, – решительно говорила Светлана.

Проходили сквозь строй демонстрантов, встречающих нас у ограды Белого дома, и они приветствовали мою Беатриче, к моему удивлению. Я увидел её по другому.

Перед женщинами во мне открывается клапан юмора. Я становлюсь энергичен и остроумен, скрывая свою стеснённость из-за тёмных желаний. Они тоже не совсем естественны.

– Взяла в библиотеке «Божественную комедию», – удивлялась самой себе Светлана. – Задал ты мне задачу – прочитала только предисловие. Не могу осилить. Теперь понимаю, кто такая Беатриче. Честь для меня. Она руководила из рая. А я и не хочу карабкаться туда. Какая из меня Беатриче!

– Я же разглядел её в тебе, – лгал я.

Зашли в аптеку, чтобы купить тёмные очки – я разбил свои на реке, и глаза слепило от невозможного здешнего солнца. Я бестолково примеривал всё богатство очков на витринах – из разных стран, словно это был очковый край. Наконец, выбрал наугад. Девицы подхватили очки и кинулись в кассу. Предчувствуя, я подошел. Моя Беатриче широким жестом бросила деньги в окошечко.

Я стоял со своими деньгами, ощущая только досаду.

– Возьмите!

– Нет, не возьмём, – в нереальном мире улыбалась она. – Это не подарок гостю, а хитрость. Чтобы всякий раз вспоминал.

Они удовлетворённо, словно отомстили, показывали мне центральный район города.

Меня скребло что-то. Что? Чувство долга, в буквальном смысле? Не погубленный в нашем меркантильном мире стыд? Я не мог этого допустить. Чтобы какие-то девицы...

Мы подошли к секции женских сумок местного производства.

Женщины шупали мягкие разноцветные сумки, изучали швы, выворачивая наизнанку.

– Чистая кожа! Надо же, это кожа из нашей скотобойни. Её зовут Запечной.

Я тоже стал шупать сумки, как заправский знаток, чувствуя себя идиотом. Они и вправду были мягкие, из хорошо выделанной кожи. Не хуже, чем, по моим понятиям, на Западе.

– Какие бы вы выбрали, девочки?

Они уже перешупали множество сумок. Цены кусались, поэтому жадности купить не было.

– Вот эта ничего. И вот эта.

На мой взгляд, пошловатой яркой окраски. Когда мы отошли, я попросил подождать и вернулся. Хотел сбросить что-то висящее на мне, даже путём безоглядной щедрости. Чертовски дорого, не для командированного! Смутно думая о трещащем бюджете, купил выбранные сумки.

Когда вручил им подарки, у меня свалился камень с души. Как сладко быть в оазисе щедрости, когда исчезает желание обсчитать ближнего! Когда гол как сокол. Эльнара смотрела на меня как-то оглушённо, стыдливо отказывалась. Светлана перебирала подаренную сумочку, – Странно, ведь моя истёрлась, и не было надежды обновить. Это же чудо!

Она поцеловала меня в щеку, и в поцелуе не было насмешки, а почему-то ощутил беду.

– Ты что?

Она уткнулась мне в плечо, пряча лицо. Я обнял её.

– Что случилось?

Эльнара взяла её за руку, стала успокаивать.

– Не расспрашивайте её.

Я понимал, что не в сумочке дело. И пронзила жалость к моей Беатриче. Что же с ней происходит, если так мало надо, чтобы тронуть до слёз?

Она резко выпрямилась и засмеялась сквозь слёзы.

– Сама не понимаю, что на меня нашло.

Что-то со мной случилось – не мог отвязаться от желания видеть эту провинциальную девицу с загоревшими плечами под бретельками лёгкого сарафана, слышать её голос, безоглядно откровенный. Неужели влюбился?

Вечером моя Беатриче с подругой подвезли меня в гостиницу и собрались уйти. Я удерживал Светлану, не желая оставаться один. Олег таинственно пропадал где-то, организовывая филиал своей партии.

– Ты должна сопровождать меня везде.

– В постель не нанималась, – хохотнула она.

Я обнял её и ткнулся в губы, непонятно куда ушло моё чистое чувство, затмило что-то сильнее меня. Она прижалась, вцепилась в мои губы, до зубов, и задрожала.

– Останься! – шепнул я.

Вдруг она отстранилась, словно совершила не то, что хотела.

– Нет, не надо. Я так не хочу.

Я пытался снова обнять её.

– Нельзя, милый. Так не делается.

– Почему? – молил я.

– Не могу. Ты же ищешь свою девицу.

Я отрезвел. Странно, что недавно от этого зависела жизнь, а теперь отхлынуло, и осталась только трезвая горечь, отдалившая мою любовь куда-то далеко.

Мы вышли, в темноте на дорожке ждала Эльнара.

– Ты куда дела Олега? – невпопад спросила Светлана.

– Почему я куда-то дела? Он сам по себе.

Я провожал их по каким-то уютным улицам, закрытым тёмными садами. Потом шел в темноте назад и думал: чего мне надо? Что так влечёт к этой провинциальной бедовой девице? Что в ней нашёл, кроме открытой сексуальности? Может быть, особенную женскую гордость, которую нельзя купить? К гордым женщинам я иду, как в пасть удава.

Мне казалось, что её испугала моя страсть – поглотившая меня потребность обладать. В мужском племени есть ненасытная потребность обладания. Хитрость и расчётливость в удовлетворении желания, что застилает настоящее чувство, искреннее и чистое. Но, в отличие от насильника, за этим непобедимым сиюминутным в нас скрыто главное – обожествление женщины.

II

*Свет окраин твоих – неизвестность,
Остановлен вне времени век.
В глупом, чистом теряется скепсис,
Всё неверье эпохи калек.*

Местный совет муниципальных образований прислал за нами микроавтобус, чтобы встретиться с гостями из центра. Мы ехали на родину моей Беатриче, такую же притягательную, где, казалось, я узнаю её настоящую.

Здесь нет отчуждённо снующих автомобильных потоков, жадно сверкающих супермаркетов, нет грозной покоряющей и пугающей деловитости города. Загородные Черёмушки – независимый район, самодостаточный и почти не нуждающийся в помощи и опеке города.

Район простирается далеко за город, на восток, такое впечатление, что он без чётких границ, никто толком не знал, где он кончается, в его уголки добираются только на электричке и машинах. Когда приезжий спрашивал, как пройти в какое-то место, то злился над серостью обывателей: они задумывались, и, в конце концов, показывали в противоположную сторону. Говорили, что здесь у них необычное место. Иногда появляются низко летящие огненные шары, вроде НЛО. Это непересекающиеся с нашим биологическим видом иные энергетические виды жизни, могущие принимать любую форму. Гораздо более разумные и чем-то влияющие на район, кто их знает. Никто не пытался разгадывать, но видно по результату: здесь люди становятся другими.

Экономический кризис прошёл мимо этого района. Местные экономисты утверждали, что провинция за чертой города слишком устойчива, как вечно противостоящее угрозе самой жизни, что витала над ней столетиями. Мол, отсюда исходит нечто наивное и чистое – из аномальных зон таинственного народа, жившего несколько тысяч лет назад и теснимого врагами-кочевниками, который построил Великую Заволжскую стену. Но это больше, чем старина, чем ушедшее время советских отношений, с любовью к тем фильмам, песням, поэзии, больше, чем неприятие позднейшего новодела, – здесь есть нечто вечное, что выживет при любом кризисе или изменении климата. Смирение, или осознание единства с природой, и понимание, что человек умирает вместе с природой. Покорность року, как у древних греков.

Где-то в глубинах Черёмушек раскинулись поля агрохолдинга «Разинский», где работает большинство из этого района. Там занимаются, казалось бы, убыточным экологическим земледелием, выращивают экологически чистые зерновые, по методу старых известных агрономов – проповедников безотвальной вспашки.

Директор рассказывал:

– У нас девиз: «Больше ума на гектар земли». Гумус получается после заделки в почву измельчённой соломы, а дальше работают червячки с микробами. У матушки-природы есть всё необходимое. Таскать на поля назмо – одни амортизационные расходы. Не надо ни минералки, ни горючего. Так что урожай в три раза выше обычного, и себестоимость зерна низкая. А хлеб – взрежешь каравай, он вздохнёт эдак: «ф-фух», – и аромат на весь дом.

Моя Беатриче вертелась рядом со мной.

– Посмотри, какой здесь рай, – сказала она, толкнув меня восхитительной коленкой.

Да, наверное хорошо здесь ходить по аллеям, как в нирване, тебя баюкают по сторонам сады, расцвеченные сиренью, на открытых местах невинные белые церквушки; за низеньким штакетником заборов, просматриваясь насквозь, выглядывают деревянные дома с ажур-

ной белизной резных наличников. Неторопливый стук работ внутри садов, журчание воды из шлангов.

Кто-то задумывал этот мир без желания выгод, бесцельно, для удовольствия, там человек отогревается, и в нём возрождается вера в братство человечества. Где-то здесь, как я слышал, затерялась она, моя первая любовь. Одна или обзавелась семьей, детьми? Она уже выцвела в душе, как старая фотография.

– Вообще здесь отдельная республика, – сказала Светлана. – Люди, приезжающие сюда, преобразаются, становятся другими. Здесь мы отдыхаем. В городе борются за выживание и успех, а у нас оздоравливаются. Правда, часть, где был противотуберкулезный санаторий, оттяпали власти. Продукты не покупаем в супермаркете, наоборот, снабжаем город свежими, экологически чистыми, хотя там дерут непомерные бонусы.

Писатель, развалившись на сиденье микроавтобуса широким телом, неспешно изливал слова, как на привале у костра.

– Наши люди живут вольно, отрезанно от города, как на реке или в лесу.

Мы знали, что здесь народ независимый, следует установленным в старину обычаям, слепо не хает развалившуюся империю, видя в ней доброе, свою молодость, и терпелив к нынешней власти. Открытое место, с радостью принимающее гостей, которые чувствуют здесь себя по-настоящему свободными, в полной мере расслабившимися. Правда, здесь стали пропадать люди. Особенно защитники независимых Черёмушек. Говорили о некоей злой силе, отхватывающей человека и вмиг исчезающей.

– Вон мой дом, – обрадовался писатель. – Он открыт всем добрым людям. Есть вино, из той трёхствольной винной груши, что растёт у крыльца. Вкусное, с приятной горечью. Приглашаю.

Олег сомневался.

– Что это за самоделка? Процент сивушного масла проверяли? То-то.

Он не доверял самодельному или рыночному, предпочитал импортное, известных марок.

В простом доме – конторе местного самоуправления – уже ждали: длинный стол был накрыт, как сказали, экологически чистыми фруктами и овощами прямо с полей агрохолдинга, с известным и за пределами края натурально мягким пахучим хлебом, местным вином, «всегда свежим».

– Наш электорат! – сладострастно потёр ладони Олег.

Во главе стола сидел директор агрохолдинга, спонсор посёлка. Его живые глаза помягчили.

– Мы ждали вас, потому что вы становитесь новой силой, у вас есть новые идеи.

Он рассказал о нарастающем противостоянии с местной властью. Особенно сейчас, когда организовали свою банковскую систему – общественную кассу взаимопомощи. Хотя налоги платим, правда, в основном на зарплату. Говорят, мол, чёрная касса, новая пирамида. Хотя это добавка к зарплате людей.

– Всегда буду помнить слова матери – великой труженицы, чтобы я не обижал людей, – объяснялся директор. – Но не всё зависит от меня.

Собрания людей в последнее время меня угнетали. Но сейчас между нами не было преград настороженности.

– Собираетесь объявить независимую республику?

– Что вы! – засмеялся директор. – Хотим, как все нормальные люди, не от государства отделиться, а от духа наживы. Без города нам нельзя. Модернизация может быть только оттуда.

– Разве это возможно в отдельном районе?

Директор усмехнулся.

– Конечно. Мы тут сами много сделали. Не пускаем хищное строительство. Только экологичное. Отказались от услуг ЖКХ: поставили котлы для обогрева в каждом доме, колонки горячей воды. Перестали платить этим разгильдяям.

– Наняли врачей, теперь не надо ждать очереди в городской поликлинике, – сказала Эльнара. – У нас домашняя медицина, теплее, чем в городе. Хотя по сложным делам приходится ездить в Федеральный медицинский центр.

– Свободно говорим на местной радиостанции, – добавил писатель. – Правда, как и в других регионах, прессу не любят. Нашего редактора избили, сейчас в больнице.

Писатель вздохнул.

– Наши дружинники нашли злодея, но так и не определили заказчика. Есть, конечно, полиция, но толку от неё мало.

Оказывается, местная добровольная дружина самообороны, защищавшая бизнес от мафии, набрала такую силу, что вызвала недружелюбие власти.

– Народные мстители отсюда?

– Это о пацанах, которые расстреливали ментов? Нет, они из города, у нас таких нет. Мы поставляем в город актёров, художников, бардов. Почему-то они произрастают только здесь. Место, где Бог целует в темечко. В наших дворцах культуры, которые ставят такие спектакли, что артистов выманивают в центральные театры.

– Так что, пока победили у себя коррупцию, – засмеялся директор. – Путем самоорганизации. Вот только с ней у нас трудно. Никто не хочет быть начальником.

– Бесклассовое общество?

– Что вы! Просто никто не хочет руководить. Трудно избрать председателя, привыкли жить сами по себе. Вот, только Светлана не отказалась.

Я был удивлён. Вот как! Сам начальник Черёмушек сопровождает меня.

Олег был восхищён.

– И что, власть это терпит?

– Ещё как! Собирается разогнать наше самоуправление. Но прицепиться не к чему. Выполняем обязанности граждан, не бунтуем. Демонстрацию организовали мирную.

Мы знали, что молчаливую силу непротивления давно хотели приручить власти. Основное её преступление – отказ от услуг государства, крупных сетей бизнеса.

Олег, оживлённый, с весёлым взглядом, чувствовал себя, как на Тайной Вечере, развесил какие-то графики и стал излагать план захвата власти структурами самоуправления.

– Вот здесь, друзья, план взятия демократией власти в городе.

Он рассказывал, как надо завоёвывать большинство – сначала в местных органах самоуправления, потом в блоках самой власти, обозначенных в графиках. Это была гениальная идея поступательного и неизбежного захвата, открывающего неопределённо волнующие новые просторы.

Слушали сдержанно. Я всегда подозревал в людях глубины, которые не видел в них, внешне обычных. Сильно выпивший после работы представитель оппозиции – взлохмаченный абориген из малочисленных народов, вылезал вперёд и косноязычно требовал немедленно пойти крушить чиновников.

– Садитесь! – обрезал его Олег. – Помолчите, если напились.

– А что дальше? – качали головами местные.

– Как что? Свобода от притеснений чиновников.

– Ну и что? Этого мы и так почти добились. Только во что выльется ваша свобода?

– В свободу предпринимательства.

Его волновала тёмная волнующая бездна раскрывающегося индивидуализма.

– Это уже есть. Хотите, чтобы и у нас было дикое неравенство? Мы уж как-нибудь сами.

Олег нетерпеливо отмахнулся.

– Равенства не бывает. Человек должен научиться опираться на свои силы. Развивать свои таланты, быть победителем. Хватит патернализма!

Гурьянов давно хотел высказаться. Здесь он был как рыба в воде, имел союзников.

– Это мы дадим подлинную свободу! Она в справедливости, в общей цели, где не бывает, чтобы каждый за себя.

– И это видели. Общая цель тоже была.

Олег, игнорируя Гурьянова, как дегустатор, пробовал вино писателя из винной груши.

– Действительно, как итальянское. Там не пьют марочное, а только местное, у каждой провинции своё. Ваше ни на что не похоже, очень своеобразное.

Я предлагал свою комплексную систему объединения всех наших сил на всероссийском уровне. Подбираем на конкурсах лучшие предприятия и организации, вплоть до научных, оздоровительных, и даже уфологических, по всему краю и вне его, выделяем их знаками экологической чистоты, и во главе с муниципалитетом вкладываем все силы на конкретную территорию – Черёмушки. Цель – создание экологически чистого района, лучшего в стране, и, может быть, в мире!

Как ни странно, моя программа прошла на ура, как сама собой разумеющаяся, – они строили такую же систему, только в местных масштабах.

Обсуждали возможность поддержки Черёмушек в правительстве, а также в агитационной пропаганде, в прессе. Олег обещал не оставить их наедине с подбирающейся к ним властью края.

– Вы только здесь в открытую не лезьте, – попросил директор. – Могут что угодно. Наступает новая волна борьбы с преступностью, то есть передела экономики.

Вечером мы сидели с Олегом и Гурьяновым в номере гостиницы.

В окно влезала сирень, манящая в её сине-розовую глубину. Я томился от желания выйти из номера, идти куда-то по уютной аллее со Светланой, под густыми ветвями садов, и целоваться.

Они спорили о давнем и непримиримом, полулёжа на кровати с рюмками в руках. Олег превозносил главную нравственную ценность – семью. Гурьянов возражал:

– Если главной ценностью сделать семью, то единственное средство содержать её – обогащение.

– А это плохо?

– Эгоизм семьи – плохо.

– Свобода личности – в свободе семьи.

– Короче, плевать на остальных. Это ваше клеймо всем знакомо. Вы летали на комфортабельном самолёте олигарха по стране, веселясь и агитируя! – Гурьянов поправил платочек в кармашке пиджака, у него было мирное настроение. – По какому праву опять агитируете провинцию?

Я снисходительно вмешался:

– Вы злитесь на молодость. Ребята были молодые, оторвались по полной. Дело не в этом.

Олег, возлегая на подушке, отвечал жизнерадостным тоном, непонятно, в шутку или всерьёз.

– Кстати, я не был в том самолёте. И мы вроде союзники. Делаем одно и то же.

У Гурьянова была выгодная позиция – не участвовал «в разрушении либералами страны».

– Нищий народ вас ещё тогда возненавидел!

Я поддразнил Олега:

– Это правда, сейчас стыдно быть богатым.

Олег вздохнул.

– Мы никогда не сойдёмся. Это неподвижное подсознание, о чём бы ни спорили. Есть два разных типа людей, два разных мира. Один всхлипывает от счастья при виде грохочущих танков по площади на военных парадах, или парадах физкультурников с голоногими рядами гимнасток в трусах – скрытой формой тоталитарной сексуальности типа «секса у нас нет». Другой – счастлив, когда соборность не подавляет его свободу. Время ещё не пришло, чтобы народ осознал свои свободы. Слава богу, что вам теперь не загнать провинцию на обочину цивилизации.

Что-то мне не нравилось в самодовольстве Олега. С тех пор, как он оказался на виду, в опасное время становления партии, когда приходилось работать под топором критики и недоброжелательства большинства населения, у него определились и окостенели убеждения, и он сейчас не хотел понимать точку зрения противника. В отличие от него, я пережил становление моей организации без внимания власти и общества, так как наши цели были для них безопасными, и не мог обозлиться. Но мне он был ближе.

– В демократии тоже есть недостатки, коренные, – подзуживал я Олега. – Её законы работают по правилам гильотины, а не по любви. Да, они спасают от своеволия, но не дают тепла. Меня поражает отсутствие нравственности у либералов.

Гурьянов подхватил:

– Да, оголтелая бессердечность к народу. То, из-за чего вас осудил народ. Мы восстановим дух всеобщего братства! Как было в советское время.

Когда-то он служил в войсках специального назначения, и полюбил армейское братство – единую семью, не знающую сомнений. «Приказ получен – цель обретена!», и как уютно быть влитым в общее дело, в весёлом смертельном риске поиска врага. Индивидуалисты-либералы разрушали это братство, были для него как предатели, готовые отдать страну врагу. И не мог простить либеральной власти сдачу Крыма. Подсознательное пронзало: отдали, гады!

– В провинции копится такая ненависть, который сметёт и нынешнюю власть, и породивших её либералов!

Мне почему-то претили такие, как Гурьянов. Откуда они берутся? Он меня слушал внимательно, соглашался, когда я доказывал ему исторически очевидное, но потом словно забывал новые резоны и возвращался к своему обычному занудству, гнул своё – его убеждённость ничем не выбить. Я забывал, что и сам упёртый, и вообще это человеческое свойство.

– Твое время ушло! – жёстко сказал Олег. – Знаю, что здесь готовится что-то. Не то, что ты хотел бы.

– Нет, не ушло. Мы тоже не хотим вернуть старое. Но вас повесим за ваш девиз: «Если у тебя нет миллиона – иди в жопу!»

Олег схватил стакан в руке Гурьянова.

– Пьёшь нашу либеральную водку – отдай стакан! И вон с моей кровати!

Тот чинно встал, поправил платочек в кармашке пиджака и, уходя, мстительно произнёс, как заклятие:

*Одиссеей, новой жизнью рождённой,
Эта ярость челюскинцев в яркости льда,
И внезапные слёзы старух поражённых
Непонятым – из мирового родства.*

Олег, ещё уязвленный, лёг на постель и отвернулся.

– А ты тоже... Почему не поддержал? Наш ли ты на самом деле?

Я сказал, почему-то недовольный собой:

– Ты же знаешь. Для меня политика – большой театр, и всё зависит от таланта актёров. Но почему-то всегда игроки средненькие. И злые.

– Но без политики ты не можешь осуществить свои утопические проекты. Для этого нужна другая система.

Почему не могу всерьёз принимать эти споры, взаимное раздражение Олега и Гурьянова? Или примкнуть к одной из партий? Словно нахожусь в какой-то чёрной дыре рока, куда человек ввергнут без надежды на избавление, и только всеобщая близость и сострадание людей и каждого друг к другу поможет пережить этот рок, и даже ощутить иллюзию бессмертия. Из той метафизической неудовлетворённости, действительно страшной, шумные демонстрации протеста кажутся мне мелкими, недостойными подлинной трагедии существования. Разве может победа тех, кто считает своих противников врагами, сделать нас счастливыми? Только осознание подлинной трагедии человеческой судьбы может придать смысл действию.

Именно это я почувствовал в жителях Черёмушек, – стойкость перед трагедией, роком их судеб. У нас с моей Беатриче есть родство. Она, с провинциальным ожиданием чуда, кажется значительней, чем суета вокруг.

* * *

Вечером мы со Светланой ходили по дорожкам в тени садов, заглядывая в окна, порхавшие синим светом телевизионных экранов, и во мне не было прежней неудовлетворённости. Эта ночь со светящимся небом в огромных необычных звёздах, эти таинственные сады казались податливыми до исчезновения. Подлинно всё: и охота внезапная – выкрасить дом, или землю вскопать. Где этот чистый источник запрятан древних порывов – свободно желать?

Я прочитал ей подправленные стихи, не называя автора, как бы только что сочинённые мной:

*Что краше звёзд? Что звёзд закатных выше?
Молчи, молчи, о том не говори!
Там, в доме на окраине, под крышей —
Окно, горящее не от одной зари.*

Она слушала как-то странно, я заметил, с влажными глазами.

Она говорила о себе мало. Дед её был независимым – от него её характер. Из-за чего отсидел в лагере. Рассказывал, как их вели колонной, и какой-то пацан пренебрежительно бросил ему пряник, твёрдый как камень. Ничего слаще не грыз. В детстве уехали от репрессий в глушь, на окраину, где нельзя найти. Здесь был приют каторжников, беженцев. Дед добровольно пошёл на войну, погиб под Сталинградом. От голода умерла его дочь, сестра мамы. Отец в детстве, после войны, убежал в детдом, и вернулся сюда, на новую родину. Здесь и умер. Училась случайно, не до того было. С трудом институт экономики закончила.

– Вот, как будто о моём отце написано. Из книжки стихов, которую нашла на помойке. Называется «Детский дом».

И прочитала строчки:

*И во мне был ужас – детской раны,
Когда боль сиротства в нас скулит.
Но всегда был связан с миром ранним
Рода, что спасёт и сохранит.
Что же было в год послевоенный?
Мой побег из дома – в никуда,
Чтоб в семье хватило хлеба – ели,*

*И не умирали никогда.
И детдом – жестокий мир и взрослый
Дал мне выжить, смерти вопреки.
Время нас не бросило в сиротство,
Пусть и кто-то отнимал пайки.*

– Кто он такой, этот поэт? Не нашла в Интернете. Сгинул, наверное, в безвестности.

Что-то есть в ней такое, о чём не хотела говорить. Я осторожно спросил:

– У тебя проблемы? С этим... замминистра?

Она глянула с нарочитым удивлением.

– Что ты... Хотя он меня ревнует. Не даёт проходу.

И повернула на другое.

– Как всегда, влипаю в историю. Послала в Комитет против коррупции заявление нашей экологической организации – как власти отняли у противотуберкулёзного санатория место в низине с целебным воздухом, и какие там построили для себя дворцы. Туда, кстати, он звал меня жить. Люди стали меня избегать, бояться за себя. Омоновцы берут меня уже на подходе к демонстрации. Если бы не наша народная дружина... Видишь, не только я тебя, но и меня берегут.

– Так серьёзно?

– Так.

Я вдруг понял, о чём предупреждал меня незаметный защитник лесов. Это было очень опасно. Потому что боялись, как огня, Антикоррупционного комитета, куда она послала своё заявление. У него неслыханные полномочия, мог привлекать к ответственности самостоятельно, даже по простому подозрению, – внедрялся опыт подобного комитета в Гонконге, который ликвидировал за три года коррупцию, бушевавшую десятки лет.

Видимо, здесь противостояние приняло характер войны. Я почувствовал, что моё убеждение о чёрной дыре рока, куда мы все ввергнуты, не работает. Чтобы это пережить, нужно просто действовать.

Мы как-то незаметно оказались у её дома.

У окон тихо прошелестела и остановилась машина. Мы притаились за углом. Раздался стук в её дверь.

– Светлана, открой.

Она приложила палец к губам.

– Открой, говорю!

Снова раздался настойчивый стук. Дверь загрохотала.

– У тебя кто-то есть? Убью его! Открой!

Со стороны смотреть на бьющегося в дверь бугая было бы смешно, если бы не так жутко.

– Что тебе, Тимур? – отозвалась из темноты Светлана. – Мы же обо всём переговорили.

Всё кончено.

Она прошептала:

– Уходи. Он не отстанет. Я с ним сама разберусь.

Я скрывал под самообладанием холодок детского ужаса.

– Я сам с ним разберусь! – громко сказал я.

Тот шумно повернул к нам.

– Уходи, – шёпотом закричала она. – Мне он ничего не сделает, но будет только хуже.

– Я тебя ему не отдам!

Я схватил её за руку и утащил в какую-то аллею.

Вечер был испорчен. Выждав, когда, по моим расчётам, Тимур мог уехать, мы расстались холодно.

Руководство Форума составило программу развлечений, чтобы у гостей осталось обаяние от пребывания в обновляющемся крае. В программу входила посадка саженцев кедра во дворе новенькой школы, по методу незаметного, крестьянского вида, защитника лесов. Утром отвезли в школу-дворец – гордость города. Раздали белые перчатки и лопаты. Ямки были готовы, и в них уже лежали саженцы. Под руководством воспрянувшего защитника лесов мы прикопали саженцы. Это мыслилось как возрождение традиции субботников. Наш писатель счастливо суетился возле одетых в нарядную форму учеников, раздавал им свою голубую книжку об их удивительном крае.

Потом, согласно программе, повезли на праздник дня МВД, где нас приветствовали фанфарами. Увидели небольшое представление: плотные ряды омовцев с закрытыми, как у рыцарей, лицами в шлемах, с дубинками оттесняли от местного Белого дома демонстрантов, жгущих машины и бьющих стекла. Омовцы вежливо брали их под руки и предупредительно уводили в автозаки.

Наверное, желая показать в сравнении настоящую глубину патриотизма и ничтожность нападок оппозиционеров (или Светлана упростила Тимура, замминистра?), делегации были отправлены на автобусах в места Сталинградской битвы.

Яркое солнце за окнами автобуса породнило нас в общей радости. Как точен солнца жар в окно автобуса для сотворенья близости души! И мир уже становится не глобусом – иным в ресницах радужно дрожит.

Я сидел рядом с моей Беатриче. С другой стороны уселся замминистра, Тимур, хотя руководство ехало в автомобилях впереди. Светлана, чувствуя его дыхание, отчуждённо отодвигалась от него, и он не смотрел на неё. Лишь изредка энергично комментировал увиденное за окном.

От качки автобуса мы со Светланой наваливались друг на друга, и я, имитируя сдерживание, оказывался чуть ли не в её объятиях. Она дурачилась, пела дурным голосом, а я незаметно держал ладонь на её голом колене, пользуясь тем, что она отвлеклась, и она не снимала руку. Замминистра изредка косился на нас.

Она показала в окне на широкую излучину реки.

– Вот здесь плыли ладьи Степана Разина. Говорят, здесь он бросил в воду персидскую княжну. А вон утёс, где Степан думал свою думу о народном счастье. Есть на Во-о-лге утёс... Я там бывала. Странное чувство на его вершине, где ветер шевелит ковыль. О чём он думал? Наверняка, не о награбленном. Народ хочет видеть его таким, а не убийцей.

– Ну, ну, – сказал замминистра. Оказывается, прислушивался к нам. – Это не там было.

Она не отвечала. Мы покачивались, прижимаясь друг к другу.

Ехали долго, несколько часов, вдоль великой реки. Олег читал из книги нашего писателя с тёплой надписью автора, приглашая насладиться своим восторгом.

– «Крольчиха Краля отчего-то упала замертво... Отыскав чёрный холм земли, где хозяйка закопала картонную коробку с прахом Крали, Пулька садилась, и, задрав лисью мордочку кверху, жалобно поскуливала. Хозяева только руками разводили: «Какое доброе сердце у нашей Пульки!».

Автобус веселился и аплодировал.

Не заметили, как проехали через заново отстроенный приволжский город к ровной, как от вулкана, искусственной горе с бетонными нагромождениями. На вершине открылись обрешеченные окном машины могучие ноги статуи.

– Мамаев курган! – скомандовал замминистра. – Родина-мать!

Увидели огромную – в каменном балахоне ветров – женщину с мечом в небе, с голой грудью.

– Вот оно, выражение удовлетворения мести – вглядываясь, фыркнул Олег. – Бездарная сталинская классика античности.

Директор агрохолдинга как-то безучастно скользнул по нему взглядом.

– В детстве, помню, играли здесь с пацанами. Задевали осколки и кости. На каждом метре.

– Бедный наш народ, – вздохнул Олег. – Положил себя ради укрепления режима.

Меня впечатлила искусственная торжественность скорби.

Высадились, разминая ноги в слепящем солнечном свете. Замминистра широким жестом пригласил нас в кафе «Блиндаж», незаметно прячущийся под бугром. В подвале по стенам – фронтовые листовки с карикатурами на фашистов, гармошка, в углу на стойке плащ-палатка и каска.

Буфетчица в форме старшего лейтенанта Красной армии налила в алюминиевые кружки по сто граммов «фронтовых». Мы уселись за грубый деревянный столик в углу, официантка в гимнастёрке и кирзовых сапогах принесла в алюминиевых мисках гречневую кашу, чёрный хлеб и сало.

Гурьянов, надевший медали по этому случаю, негодовал:

– Это кощунство!

– Зато оригинально, – развеселилась Светлана.

Замминистра поднял алюминиевую кружку.

– За мир между нами!

– Наступают последние дни новой Сталинградской битвы! – провозгласил Гурьянов, подняв свою кружку.

Замминистра засмеялся и чокнулся с ним, и они приняли свои «сто фронтовых».

Выпили, слушая песню, проникновенно льющуюся из старинной чёрной тарелки радио: «Тём-ная ночь. Только ветер свистит по степи...»

Странное видение – глубинного младенчества, поблескивающего кручения пластинки: я сидел на крашеном деревянном полу комнаты, окружённый тёмной бездной, откуда доносилась грозная поступь военной песни.

Олег рассказал слышанный им здесь анекдот.

– Пьяный в постели гладил женщину, хватал за груди. Проснулся: ба! да это же родина-мать!

Никто не засмеялся.

Мы приняли по сто граммов «фронтовых» несколько раз, и, наконец, вышли в ослепительный холодок яркого дня.

Замминистра Тимур пьяно коснулся меня плечом и вполголоса проговорил:

– Вы разрушители. Приехали, и давай топтать. Не жалко.

Я ревниво отстал от Светланы – к ней привязался Тимур, они снова спорили о чём-то. Услышал только: «Переезжай ко мне».

Застывшие монументы, кладбище-мемориал и бесчисленные обелиски с выбитыми золотом именами.

Светлана, одна, молча стояла на дорожке среди могил. Здесь не было её деда, она говорила, что его косточки остались где-то. Я не смел подойти к ней.

Прошли внутрь горы-вулкана, в музей. Торжественно-тихая музыка, собранные на полях экспонаты, панорама битвы вдоль поднимающейся вверх пешеходной ленты, чёткий молчаливый караул – не отображали всего страшного, что случилось здесь. Мешало стремление гордиться победой, целиком для настоящего, которое пытаются настроить на нечто патриотическое – для всех. Что это? Когда страшное отделилось и стало ореолом гордости, исключительности нации? Ненавистью к разрушителям экзистенциальной опоры?

*Снова старый полёт и величье,
И напыщенный дикторский текст,
Вновь парад – эпохой мистичной
Перед нами, нетронут, протек.
Как же это укоренилось!
И как страшно – разбить тот покой
Возносящего марша, хранимого
Со времён ясной веры простой.
Этот крепкий орешек натуры
Не разбить – до иных катастроф.
Я и сам в непонятной натуге
Облачён в тот бездумный покров.
Что там? Наше детство летящее
Самолётиком красным складным,
В портах кранами, грозно звенящими,
И тяжёлым покоем страны.*

Я думал о вселившемся в человечество безумии, и упёртых погибавших людях здесь, забывших о своей особости, в которых самое нутро едино восстало перед насилием.

Что это было на самом деле, так страшно открывшееся дно внешне благополучной жизни? Что совершалось в теплящих живое людях, каждый шаг которых означал смерть? Чувствовали ли себя подлинным единым народом, вставшим за родину, а не только за жизнь близких? Или инстинкт загнанных в угол – умереть или победить? Или страх перед режимом, косящим огнём заградотрядов тех, кто отступал?

– Народ теперь стал другим. – Я вздрогнул от весёлого голоса Олега над ухом. – Для нас тот народ кажется уже странным, несовременным.

Гурьянов в тон ему подхватил:

– Нам, размытым в нечто частное, обособленное в своих гнёздах, готовое убежать из страны. Кому всё равно, что будет.

Светлана – она уже подошла ко мне – вспыхнула.

– Ничего не другие! Мы те же, это станет ясно, в последний день.

Возможно, эта битва – изнанка самой жизни в крайнем открытом проявлении, цена бессмертия, то, что потеряно нами. Неужели мы можем быть людьми только на краю бездны?

Что будет дальше? Наверное, померкнет эта боль победы, как померкло Куликово поле и другие, и будут новые попытки найти подлинный народ, новое бессмертие.

А родина-мать кружилась над нами в балахоне ветров, угрожая кому-то грозно летящим мечом в поднятой руке, как богиня Кали.

* * *

Форум заканчивался скандально. Подготовленные программы и предложения большинством не были приняты.

– Как же так? – вдруг растерялся замминистра. – Мы же отметили недостатки, наметили верные ориентиры. Что ещё надо?

– Правды! – кричал Гурьянов, дежуря у микрофона в зале.

– Вы не можете придумать ничего нового, – поднимаясь в позе победителя, бесстрастно констатировал Олег. – Исчерпали себя. Это должно быть делом нового поколения реформаторов.

Замминистра боролся за свою должность, как за судьбу. Словно кроме карьеры ему ничего не светило – больше не умел ничего.

– Вы приезжие! Думаете, я не знаю, что подбиваете Черёмушки на противоправные действия? Вовлекли мою жену.

– Я тебе не жена, – крикнула Светлана, сидящая рядом со мной, и покраснела. Я ревниво смотрел на неё.

Олег, терпеливо выждав, когда закончится выплеск негодования, непринуждённо продолжал:

– Мы создали в Черёмушках общественный филиал антикоррупционного комитета, будем требовать ему полномочий. Круговая порука чиновников должна быть побеждена.

Снаружи за изгородью щитов омоновцев в шлемах рыцарей колыхалось море людей с плакатами. Кто-то кинул в омоновцев камень, и щиты зашевелились. Странно, люди в руках держали крышки от кастрюль. Светлана объяснила:

– Комплект посуды – защита от дубинок. Но кухонные ножи – ни-ни!

Она сказала мне:

– Завтра акция. Я должна быть с ними.

– Возьмёшь меня? – спросил Олег.

– Зачем это? Вы здесь посторонние.

Заканчивалась моя командировка. Вечером мы со Светланой подошли к её дому, с резными наличниками окон, как у других.

Встретила согнувшаяся старушка, суетливо открыла двери, поставила на стол самовар и удалилась в глубину комнат, к себе.

В комнате-гостиной было опрятно, но ощущалось пренебрежение к мелочам: стол, покрытый белой скатертью, старый диван, полка с книгами, и на стене портрет маслом – гордой моей Беатриче, написанный каким-то поклонником.

Я обнимал её на диване, и щемило сердце, словно больше не увижу.

Она говорила тихо, как будто исповедовалась:

– Многие объяснялись в любви, но всё не то. Открываюсь, и на мне сразу повисают, как грозди, пристают. Нашли податливую. Здесь мне тесно, одиноко. Задиранье начальства вызывает только раздражение и злобу, а толку нет. Хотела дальше учиться, но не было возможности. Из провинции вырываются единицы. Чувствую, что-то есть во мне, но не могу выразить. Иногда вдруг сознаю, насколько далеко то, что надо постичь. Как с тобой – стыдно, что Данте не знаю. Читаю, и не понимаю иногда элементарных вещей. Откуда мне здесь было узнать? Вот если бы наставника. Так что не состоялась. Вот, послушай.

Она вынула из полки книжку стихов с вырванной обложкой, которую нашла на помойке, и прочитала:

*И нирвана порой убивает.
День и сад, как в грядущем, вольны.
Только в одури сонного рая
Нет ни чтенья, ни дум, ни вины.
Отдыхает нутро примитивно.
Так живём мы в нашем раю —
Новизны ли окраина дивная,
То ль беспамятства страшный уют?*

Она лучше меня – всё-таки понимает, что себя не знает. А я до сих пор не знаю, что себя не понимаю.

Я улыбнулся.

– Неужели всё так плохо?

– Что ты, я счастлива! – сказала она, и засмеялась. – Правда, частично, только мгновениями, вспышками, когда отрываюсь. Например, на Волге, на утёсе Степана Разина, о котором я говорила. Такое раздолье! Как будто утонули все беды, и предчувствие счастья. Если бы так было всегда!

Вдруг она заплакала, уткнувшись в моё плечо.

– Спаси меня, мне страшно!

– Что с тобой?

Она вдруг обозлилась.

– Разве ты не понимаешь? Мне угрожают!

И вытерла слёзы.

– Моя защита Черёмушек и реки бесполезна. Вот в чём дело.

– Тебе надо уехать. Поедем со мной.

Она усмехнулась.

– А что здесь будет без меня? Олег мне тоже предлагал.

Я ревновал, спросил, не зная, зачем:

– Тебе нравится Олег?

Она подумала.

– Он интересен. Сильный мужчина.

* * *

Скандал на форуме замяли, и его решения были опубликованы в материалах как утверждённые. Власть стала к нам откровенно враждебной, не давала слова. В гостинице сказали, что требуют нашего выселения. Директор агрохолдинга успокоил:

– Здесь командует наше самоуправление, не бойтесь.

Демонстрацию у Белого дома разогнали слезоточивым газом, главарей загнали в автозаки.

Моя Беатриче почему-то не вышла сопровождать меня. Вернулся домой с тяжёлым сердцем. Что с ней? Попала под раздачу на демонстрации? Мобильник не отвечал. Олег тоже исчез.

В номере я вынул из-под двери записку.

«Убирайтесь из города, дерьмократы, иначе пеняйте на себя!»

Во мне снова мелькнул детский ужас. Олег появился почему-то утром, возбуждённый рассказывал, как удалось убежать от омовцев.

Прочитав записку, сразу испугался, начал собирать вещи.

– Ничего, мы ещё повоюем.

Я отказался уезжать с ним.

– Остаёшься ради неё?

– Ради кого?

– Той, что поскуливает под тобой, как ребёнок.

Я застыл. Что-то отваливалось от меня, только нарастала и нарастала трезвая горечь.

Вечером тоже собрался уезжать. Под дверью слышал голос.

– Это я.

Я молча собирал вещи. Там помолчали.

– Впусти. Что он тебе сказал?

Я молчал. Она плакала.

– Он силой взял. Были вместе на демонстрации. Еле ушли, страшно было. Он проводил до дому, мы выпили. Прости.

Я не знал, сколько прошло времени. Наконец, голос затих.

Что-то жестокое, животное дрожало во мне, о чём не подозревал, как у того брюзги, кто всех ненавидит. Хотелось мстить бездушному окружению, отравляющему жизнь.

Почему не пошёл с ней на демонстрацию? Где ты был? Почему не защитил? Не понял, что не она меня опекает, а я должен был отвечать за неё. Почему не могу простить? Воображение рисовало страшные картины: здорового волосатого мужика с ней наедине. Почему не набил морду Олегу? Где моя чистая окраина?

Куда делись мои убеждения, высокая скорбь? Как мы можем иметь позывы что-то изменить, ставить других в положение врагов, если внутри нас есть что-то непреодолимое, что не победить? Нашим поведением движет нечто другое, чем убеждения. Осталось только то, кем я был на самом деле. Неужели так трудно полюбить так, чтобы всех понять и простить?

Потом наступило отчаяние – чёрная дыра рока, куда человек ввергнут без надежды на избавление, я не мог найти то, что поможет выстоять перед этим роком.

В вагоне поезда я смотрел в окно на кружащиеся леса и поля, и чёрная дыра рока целебно рассасывалась в этом вечно-зелёном ожидании. Что в скорби, глубоко засевшей, как в мироздании порок, хотя земля в цветенье вешнем рождений влажных – в рай порог?

Фаворский свет

1

*Как сильна гуманоидов сила луча —
Одинокость вселенной, далёкой от дома.
Луч спустился, и нас ослепил, не леча,
Белой вспышкой в кругах цветных обездонив.*

*Это правда? Космический голос глубин
Весь громадно чуток и осторожен.
Что он ищет — какой небывалой судьбы?
Чем взволнован я, в космосе не отгорожен?*

*И пришелец смутился, от нас отлетев,
И в зелёное облачко вырос нетленно,
И летел в карауле, храня в чистоте
Неизвестную жизнь у края Вселенной.*

*Меня ослепило. Смутно помню какие-то болевые ощущения, цветные мигания приборов,
и светлые волны, которые уносили меня куда-то.*

Глупейшая ситуация! Смеялся над слухами об НЛО, неужели это — то самое?

*Помню оранжевый горизонт утренней зари над голубым полем, неправдоподобно огромное светило, и странное чувство, что на фантастически удалённой планете увидел дивный
первозданный мир.*

*Очнулся на овальном столе, покрытом мягкой тканью. Голова кружилась, в груди сад-
нил ком, больно ограничивающий дыхание. Явно покалечен. Как же они меня волокли? Может,
сопротивлялся?*

*Никого не было. Я был накрыт невидимой сферой (ощущал лёгкую тесноту). Тело непо-
движно, словно чем-то привязано, одни руки свободны. Увидел порезы и ссадины на руках.
Ободранный какой-то. Белые стены — лаборатории какого-то НИИ или больницы? — то
непрозрачно темнели, и на ощупь были шершавые и тёплые, словно кора берёзы, то медленно
исчезали, и рука проваливалась в пустоту. Спокойно, как в больнице, немного разрежённый
воздух приятный, наверное, не может навредить.*

*И вдруг откуда-то появились двое в светящихся комбинезонах, с большими головами в
шлемах и розжками антенн.*

*Слегка раздваиваясь, они разговаривали, вернее, пели на неизвестном языке. Это речь
была, возможно, ближе к математическому языку знаков, в которую я не мог вникнуть.
Странно, что-то понимал, ибо понимание передавалось каким-то иным путём, минуя пре-
грады языка. Может быть, внушение?*

Как я слышал, открывшейся нишей сознания, разговор был примерно такой:

— Поразительно! — разглядывал меня один.

— Как он похож, и не похож на нас! — пел второй. — Наверное, всё разумное похоже!

*В их восклицаниях изумление, как было бы у меня, если бы воочию увидел живого неан-
дертальца. И в то же время снисходительность, из высокомерия высшей расы. Они словно не
замечали, что со мной сделали.*

Первый усмехался.

– Образец существа из примитивно обустроенной планеты.

Зачем они захватили меня? Чего хотят? Подопытным кроликом я прожил и на Земле. Неужели это конец? Я ощущал своё напряжённое тело, как оно будет расчленяться, что-то вытянут из мозга, и постепенно затихнет нервная дрожь. Как Гарри Поттер, боялся быть растерзанным чудовищами.

Второй, показавшийся мне внимательным, обратился ко мне... на русском языке.

– Не бойся, посмотрим, что ты нам несёшь.

Первый, любопытный, изучающее посмотрел на меня.

– Надо принять меры от заражения планеты.

Я забился. Они повернулись ко мне с удивлением: существо что-то понимает.

Внимательный пытался успокоить.

– Мы не хотим, чтобы ты принёс нам вирусы.

Я осмотрелся. Медицинских инструментов не было.

– Боитесь заразы из космоса?

– Мы не мистики. Никаких предубеждений к космосу. Только конкретное знание.

– Думаете, я весь набит вирусами?

Я не помнил своё прошлое, обнажилось только моё земное упорство.

– Или принимаете за террориста, задумавшего разрушить вашу планету? Я вам не поддамся.

Они заулыбались.

– До тебя тут, на столе, перебивали многие из других планет, – сказал любопытный. –

Никто не годился – не было в них света.

– Какого света? И куда вы их?

– В отходы.

Первый был бесстрастен. Издевается? Я приготовился ко всему, решив бороться до конца.

Они молча изучали какие-то изображения, висящие в пространстве передо мной, словно вынутые из телевизора.

– Как зовут вашу планету?

Они переглянулись.

– Скажем, Ио.

«Не та ли, что спутник Юпитера?» – вдруг выплыло из сознания.

– Нет, не Юпитера. Из другой галактики.

Угадали мои мысли!

– А вас?

Наконец, они сняли шлемы, наверное, убедились в отсутствии вирусов. И уставились огромными синими, как озеро Тартар, глазами, слегка раскосыми, как у даунов. Совсем не зелёные уродцы с развесистыми ушами и глазами лемунов, как описывают инопланетян, – извращённое представление непонятного. Только сзади, около ушей торчали крошечные антенны, не портящие впечатления. Они казались печальными.

Внимательный, худой, со страдальческим взглядом, кивнул на любопытного.

– Ты можешь называть его... Муса.

Неподвижное круглое лицо Мусы, смуглое и гладкое, не выражало ничего.

– Ну, а его... Иса, – показал пальцем на внимательного Муса.

Вошла безволосая девушка с удлинённым голым затылком, как у Нефертити. Меня ударило, как током: богиня! Такие же огромные, но зелёные печальные глаза и слегка вывернутые, опасно раскрытые пельмени губ. Она напоминала кукольно совершенную девушку из одного

мультфильма, привидевшуюся его создателю словно в самом счастливом сне. В то же время в ней было что-то недоступное, исключая мужские заигрывания.

Меня освободили, только на голове оставалась невидимая сфера, проводов не было видно.

Не знаю, сколько прошло времени. Здесь не было часов – аборигены, наверное, определяют время как-то иначе.

Нефертити поднесла мензурку с каким-то гелем, дала «коммуникативные» таблетки. Я подозрительно нюхал. Она улыбалась, наверное, моё свойство – извечное недоверие к Чужому – её забавляло.

Моё тело, мешавшее пробиться в исцеляющие состояния, стало невесомым, и скоро я ощутил странную лёгкость, готовый взлететь, и удесят�ались силы и энергия. И вдруг ярко замелькали обрывки моего прошлого.

Мои исследователи смотрели неподвижно гипнотическим взглядом больших блестящих глаз, словно проникая внутрь. Чего они хотели?

На незримых экранах передо мной появлялись картины Земли. И... моего далёкого существования, о чём прочно забыл.

– Нас интересует сознание существ твоей планеты. Внешнюю жизнь мы знаем. Можешь, как ты умеешь – выражаться поэтически. Так нам понятней.

На экранах, как бы отделённых от телевизора, сканировалось нечто – моя память? – недоступное расшифровке. Мне, а не им. Как в мозгу, зажигались мириады точек и пробежали цепи мыслей.

Вдруг, как от падающей на голову горячей воды, в закрытых глазах вспыхнуло огненной медузой окно в мою земную жизнь. Как наяву, увидел, рваными обрывками, свои состояния и мысли.

2

*В аэродинамической, ужасной
Трубе эпохи, сбившей с ног меня,
Исходит, как в сухом гремящем джазе,
Мелодия – совсем иного дня.
Я выбрался из колеи системы,
И воздух для меня – уже сырой.
Развалены свободой наши стены,
А воля – сил и нервов перебор.
А может, это я – в тупом уходе,
И что-то плачет, чем и не жил я,
В давным-давно – всегда ли было? – холоде,
В эпохе той лимитного жилья.*

Иду по улице главного бюрократического квартала. Уныло, как в пустыне, маячат мрачные здания, прочные глыбы министерств и ведомств. Вхожу в знакомое огромное здание Системы с античными колоннами, где я начинал работать. Меня пригласили на совещание. Там недавно сделали евроремонт, всё переделали. Откуда у них огромные деньги? Оглядел пустые коридоры, потрогал белые стены. В новенькой столовой чужие мне люди, равнодушные. И пронзило далёкое унижение, когда меня выгоняли из-за излишней самостоятельности, оно посещает меня во сне.

Система мало изменилась со времён рябого красного Нерона, кромсавшего жизнь, и, наконец, поджёгшего всю империю. Её структура управления оставалась той же, возрождаясь, как феникс из пепла. Те же главки, собирающие информацию со всей отрасли и анализирующие её, как среднюю температуру по больнице. Система заточена «на повышение материального благосостояния», то ли своего, то ли массы, это неизвестно из-за непрозрачности финансовых потоков. Работает как машина, в которую механически попадают живые души, по пропускам. Куда ни придёшь – везде пропуска. Видимо, никто никому не доверяет.

Где-то за высокими коридорами, тёмными, как в судейской структуре у Кафки, таинственно вершат судьбы. Опасное место, дающее возможность поддержки или предсказывающее банкротства.

За длинным овальным столом, в потустороннем мире, решающем судьбы отрасли, сидят отрешённые чиновники из разных департаментов, каждый сам по себе. Объединила их только повестка дня, тревожные пункты «Об укреплении...», «О повышении...», где каждый и заинтересован в финансировании своих статей, и боится риска.

Председательствующий, моложавый, когда-то пересекавшийся со мной по работе, строго глянул на меня из холодных высот своей глобальной озабоченности. Между нами его звали Серым, наверное, от «серого кардинала».

Стесняясь, что не в галстук, в родовом страхе перед ними, я выступил нахально – об иных источниках финансирования модернизации, и что мы можем обойтись, не прося из бюджета.

На меня воззрились, как на нечто чужеродное, досадно отвлекающее. С моими предложениями, в которых я не просил денег, всё равно смотрели как на странного просителя.

Моё некоммерческое объединение «Фонд «Чистота» (название не отличалось от романтически-лживых названий фирм общества потребления) не зависело от Системы, хотя и было

зарегистрировано ею. Регистрация не означала помощь, надо было иметь крепкие локти, чтобы выжить, и я пытался втиснуться на поле Системы, потому что поле-то одно, общее, только она вольготно расположилась на нём целиком.

Мы учредили наше объединение ещё в годы перестройки. Так поступали все очнувшиеся от застоя пассионарии. Нас поддерживали акционеры Системы. В наш попечительский Совет входили депутаты Думы, а также известные академики, профессора, доктора и кандидаты наук, выброшенные на обочину обществом потребления.

Эти люди созывались для решения главных вопросов. Обычно Совет решал что-то сделать – созвать конференцию, организовать экспедицию для исследований, общественного контроля и т. д., и все расходились с сознанием вершителей важных дел.

Организационные завалы разгребал я – исполнительный директор, с помощниками и секретаршей. Понимая, что среди этих авторитетных дядек, знающих о своей значимости, я никто, и должен вкалывать, а они – пользоваться результатами. С маленькой командой принимался за работу: писал программы, добывал деньги, в основном у министерств, для выполнения плана сбрасывающих средства, запланированные статьей по нашему профилю, обзванивал всех, кто был нужен, писал и отправлял кучу писем, ежедневно разговаривал с участниками, организовывал поездки. Мы были неизвестные солдаты Дела, безымянный пласт делателей истории. Представляли же историю члены Совета, пахать им было подано – на конференции в каком-нибудь курортном месте.

Наш шеф, почётный председатель Совета, академик с бронзовым от загара холёным лицом нетерпеливо выслушивал мои отчёты по телефону, но – у него был чудесный нюх на деньги – всегда был тут как тут, когда они появлялись, и просил (что-то удерживало его от требований) выписать командировочные на очередную конференцию – то на озере Байкал, то в Дагомысе.

Он восхищал меня вкусом к жизни. Умел жить красиво, во всех поездках – а ездил только в самые лучшие для отдыха и развлечений места за границей и у нас, умел заводить там знакомства с местной властью и хозяевами, чтобы возвращаться, даже пытался приспособить «Чистоту» для увеселения себя. Я так не умел, что-то заскорузлое во мне, от провинциального воспитания в постоянных нехватках, мешало, и я завидовал ему. Мой постоянно занятый дух «под собой не чувял страны», был вне тела, покрытого какой-то одеждой, оставлявшей только смутное ощущение. Впрочем, о теле заботилась жена.

Наверняка у него были свои глобальные замыслы в отношении нашей организации, и участие в конференциях и связи его и других членов играли свою роль, но на работе организации это не отражалось, их планы как-то испарялись перед реальностью, мы были забиты реальными проблемами, а они не знали, чего нам это стоило.

Зачем мне всё это – тащить ношу, которую не ценят эти гедонисты, извлекающие из всего радость существования? Меня власть не возбуждала, наверное, не умел выйти из своей скромной ниши. Не умею жить, не то что делать карьеру. Я всеяден, принимаю всё как есть. Не вовлекаюсь в тусовки, политическую борьбу. Хочу развивать дело, добиваться сносного результата.

Самое страшное – ноша ответственности, я один должен решать, куда идти и как выжить. Не с кем посоветоваться, никто сторонний не поможет – для этого нужно влезть в дело так, как я. То есть самому развивать дело. Самому решать, решаться. Да и просто уметь зарабатывать деньги, без которых завалов не разгрести.

Второе лицо Совета – доктор-химик Протасов, всегда согнувшийся, с хищно-улыбчивым выражением лица, знал все юридические тонкости (опыт многих тяжб и исков на предыдущих работах, о чём мы не знали), был у нас чаще и фактически считался руководителем, на всякий случай предпочитая быть вторым.

Наша профессура скоро заметила, что он тянет одеяло на себя. Добивался нужных ему постановлений Совета, брал на себя его функции. Здесь он был до странности наивен, и это погубило его.

Нам удалось отбиться от Протасова и отправить на пенсию, не зная, что он уже был пенсионером. Он затеял иск. Естественно, отбивался в судах я. Мою профессуру трудно привлечь даже как свидетелей.

В то время по общественным объединениям прокатилась волна расколов. Многие осознали, что можно стать самостоятельным, взять власть, неважно, кто создавал организацию и сколько сил вложил. Меня удивляло: как возникает драма? Одни – в головокружительном возбуждении – открывают, что можно что-то захватить, отнять. Другие – жертвы в негодовании от предательства – начинают защищаться. И на ровном месте возникает жестокий конфликт, до смертоубийства.

Протасов тайно создавал свою организацию «Сила природы», от имени Совета привлекая наши филиалы в регионах.

Я быстро восстановил наши филиалы, объяснив им ситуацию, и Протасов предстал в подобающем ему свете.

Я зря это сделал. Видимо, затронул такую глубину его самолюбия, что он набросился на меня в суде. Это был удар неизвестно откуда, из тёмной стороны жизни, которой я был противен, прямо в мою открытую грудь. Еле растащили.

Я понял, что на этом он не остановится. Шкурой чувствовал скорую месть его сторонников.

Наш офис – в чудесном доме с колоннами, усадьбе, когда-то до революции умыкнутой у представителя тогдашнего среднего класса, и в суматохе приватизации отвоёванной где-то в верхах нашим почётным председателем Совета. Милая сердцу старинная усадьба, построенная по «индивидуальному заказу», по законам видеоэкологии, о которой строители тогда не подозревали.

Вижу себя в кабинете с отрадно расставленными шкафами и систематизированными мной по нашему направлению книгами, журналами по разным странам и в целом по планете. Намоленная временем обстановка, чувство достигнутого уюта странно вызывали скуку. Словно знал, что закончу жизнь в этих, таких знакомых, стенах. До сонливости предавался камланию, искал в своём деле удовлетворяющий меня выход. Мучительно искал стратегию. Сотрудники думали, что я руковожу ими из глубин готовых стратегических замыслов.

Понедельник – день летучки. Сослуживцы занимаются неизвестно чем, встрепенувшись, когда заглядывает шеф.

Хотя я научился быть сдержанным, но внутри такой же, как в молодости. Обычно стыжусь, когда рядом вкалывают ради меня. Например, сижу у зубного врача в кресле, виноватый и готовый подставиться. А ведь заплатил нормально – «зелёными», и суетиться должен он. Деньги не помогают уравновесить мою совесть. Откуда этот стыд? Отчего чувствую себя виноватым перед теми, кто делает дело? Особенно дело обслуживания меня? Наверное, это какая-то метафизическая вина, хранящаяся в подсознании, с детства.

Но перед своими сотрудниками меняюсь, здесь я сам работаю и отвечаю за всё, а они ни за что. Так что надобность влиять отпадает. Правда, остаточные явления зависимости наличествуют. Они же во мне чувствуют доброта, и потому не боятся.

Кажется, мои коллеги не чувствуют никакой вины. В стороне от всего. Вижу их повёрнутыми ко мне лишь одной стороной – скукой обязанностей, отчего-то не вдохновляемых целями и творческими возможностями. Неужели этого не внушить?

Пытаюсь оживить нашу неповоротливую машину, чувствуя себя проповедником в диком племени не верящих ни во что.

– Ни одна работа не удовлетворяет, если не ищешь в ней разгадки своей судьбы. Тем более, на работе по принуждению. Конфуций говорил: найди в работе свою душу, и труд исчезнет. Что-то вроде.

Они не поняли.

– Хотел сказать: когда ставишь высокую цель, то деньги приходят сами. А не наоборот.

Мои сослуживцы набраны случайно, на небольшую зарплату общественной организации, из Фонда занятости, по «резюме» из интернета, по рекомендации знакомых. Это те, без достаточной или востребованной квалификации, кому некуда идти из-за отсутствия социальных лифтов.

Вот молодые специалисты, смотрят как ученики, ясные от неведения драматизма всего, что происходит на земле, и потому обращённые только в радужную сторону нашего дела. Они разговаривают с клиентами по телефону самоуверенно, не сообщая мне – о чём? Я в панике: что они там ляпают?

Ветераны, они со мной с самого начала, сидят развалившись, как свои. Мой грузный зам Пеньков, с широким багровым лицом и гусарскими усиками, большой честолюбием, профессиональный и порядочный. Никогда не забуду время нищеты, когда ты один не оставил меня (пусть тебе и некуда было деваться), и мы лихорадочно продумывали способы отъёма и увода у предпринимателей – членов нашего общественного объединения добровольных членских взносов, налаживали «хозяйственную деятельность», то есть способы заработать, и ужас безденежья, когда жёны выгоняли нас из дома. Он любит рассказывать истории из жизни в высших сферах: «Заходит ко мне в кабинет министр, я вынимаю бутылку из сейфа...». Показывает нарочитую независимость. Былое величие стало его болезнью. Может быть, в его чиновничестве скрытая ранимость? Его я ценил за профессионализм, годами выработанную чиновничью пунктуальность и дисциплину, аккуратность и дотошность, даже мелочность при вникании в дело. Он дисциплинирует молодых сотрудников. Это крайне облегчало мою ношу, я мог на него положиться.

Осторожный худенький бухгалтер с острой бородкой, щуплой фигуркой, специально приспособленной, чтобы уклоняться от нагрузок и трудностей, предостерегающий меня от нелепых поступков. Может быть, природа не дала ему способностей, чтобы пробиваться? Или тут дело в состоянии телесном? Нам кажется кто-то ретроградом, равнодушным эгоистом, а человек не может, или просто устал. Не там ли основные мотивы нашего нежелания совершенствоваться, идти вперёд? Это бывает и во мне – то орлом летаю, то не могу пробиться туда, где недавно летал. Он всячески угождал мне лично и каждому в отдельности, искренно, из уважения и понимания, и очень робко заговаривал о повышении зарплаты. Хроническое нищенское существование в детстве, студенчестве, в институте осталось в нём неизгладимым отпечатком. Предложи ему быть царём, так он схватит сто рублей и убежит.

Секретарша Дора, с жёванным лицом большой печенью, сумела получить от Системы квартиру, и не могла насытиться рассказами. «Сидела дома. Квартиру протирала. Так люблю! Не устаю. Плинтуса до блеска протёрла. Даже всплакнула». Своя квартира – это было чудо, за пределами существования. Это чудо заменило ей всё, о чём мечтала в жизни.

Наша работа, по Марксу, называется отчуждённым трудом, то есть люди не знают, на какого дядю работают, как было во все времена. Привыкли видеть наше дело как нечто объективное, обязательное, данное свыше, кормящее из какого-то сакрального бюджета. Упорно сохраняют традицию и в новой независимой организации, мягко выскальзывая из-под скучных обязанностей.

Это, скорее, верхний слой, за которым не видна их подлинная суть. Они, вне наших стен, вероятно, живут интересно, в своих семьях или влюблённостью в девочек, занятостью огородами на дачных участках (хотя сетевые магазины подорвали огороды – зачем ломаться, если можно купить недорого). А здесь терпят, по обязанности, живут от зарплаты до зарплаты, и всячески отвиливают от трудных дел.

Не превращаю ли «самоценные субъекты», как сказал бы философ, в средство для выполнения моего дела? Ведь у них своя ответственность – за семью, детей, может быть, иные цели, не имеющие отношения к моему делу. За что их осуждать? И мне оно иногда кажется монстром, засасывающим жизнь. Но тогда надо уничтожить дело. И «самоценности» начнут развиваться самостоятельно, свободно. Не в ликвидации ли – смысл?

И сам я уже служу, как посторонний. В толстом слое оптимистично-идиотского равнодушия. Возможно, отчаяния. Так нам даже выгодно, мне – чтобы уйти от тяжести ноши и ответственности, перенося её на нечто свыше, другим – чтобы не иметь ответственности вообще.

Меня не удовлетворяет то, что нашёл. Удовлетворяет только предчувствие выхода. Художники меняли стили, желая одного – выразить суть жизни. Например, экспрессионисты нашли, наконец, оптимальную форму выражения чувственного мира, но сомнения оставались: так ли это?

Напряжением мозга затачиваю письма инстанциям, чтобы достигнуть какого-то меркантильного результата, видимо, выскочить на простор известности, приносящей блага. Особенно сложны эпистолярные отношения с губернаторами: того убили, того арестовали, тот сбежал с деньгами, – приходится искать имена новых избранников, биографии, чтобы приноровиться. Иногда, очнувшись, окидывал взглядом все усилия моей организации прорваться в никуда, нашу рациональную встроенность в модернизацию, за горизонтом которой не было видно счастья.

Я втайне жалел сослуживцев, до сих пор старался повышать зарплату. Отделяю помощь лично человеку и злость от его плохой работы. Им ведь надо жить, и не впроголодь. А это размывает мою волю руководителя. Но что делать? Как платить премию (зарплата – уж бог с ним, это сакрально!) – эквивалент результата труда, если не нацелены на результат? Вряд ли смогу дать кому-то отдельное самостоятельное направление (а только это мне нужно – сбавить с себя хоть часть ноши), чтобы тот смог всё учесть, поспеть к сроку, и с экономией, не допустить «упущенную выгоду» (мои сослуживцы видят в наших финансах нечто чужое, и щедры на траты чужих средств).

Но всё приходится взваливать на себя. Ведь это эксплуатация труда работодателя, жизнь за его счёт. В наше время нужно защищать руководителей от эксплуатации работниками. Мне ведь тоже хочется быть свободным художником. Не в положении душителя свободы, а гордого свободолюбца. Я понимаю режиссера известного театра, со скандалом ушедшего от «самоценной» труппы. Пусть они, наконец, взвалят на себя ношу.

Это уже был не я прежний, стал расчётлив и рационалистичен.

Моя идея воплощалась трудно и почти бессознательно, в потёмках: оказывается, мы «тихой сапой» создавали систему объединения предприятий, малых и средних (мегакорпорации и сети были самодостаточны, посылая в жопу нас, не имевших миллиона баксов). Начали с создания при Фонде «Чистота» ассоциации производителей чистой продукции и чистых территорий, сети реализации. Приманкой для субъектов Федерации был законно зарегистрированный знак «Чистый продукт» и «Чистый район» с эмблемой птицы на ладони, который стал известен. Символ моей мечты, библейской легенды о рае, где жили в обнимку люди и звери. Такое легендарное время могло быть на земле в самом деле. Награждённое знаком предприятие или район могли получать некоторые преимущества, в том числе в расширении сбыта и инвестициях.

Идея лишь брезжила, не хватало знаний. Тем более я дилетант, то есть равномерно нахватывающий знания из всего, что под рукой.

Сертификация продукции и территорий проводилась экспертами – изворотливыми докторами и кандидатами наук из исчезнувших институтов, не отвечающими ни за что. Они по наитию бросались в работу с уверенностью распирающего их огромного опыта в написании диссертаций. И спрашивали: «Вам как рекомендовать – положительно или отрицательно?» Профи – это умение уверенно вывернуться, своеобразная честность, превращающая сомнения в уверенность «с потолка». Я и сам уверенный недоучка, поднаторевший в практике. Но всё-таки учусь.

Наступил период лёгкого профессионализма – чего изволите? Стоит только просмотреть рекламу, предлагающую излечение от всех болезней, дома в проекте с оплатой авансом, обещания профессиональных гадалок и т. п. Вообще-то я не доверяю профессионалам. Не дал бы им в руки своё здоровье и жизнь. После ряда крушений стал бояться поездов, самолётов, туристических теплоходов, или оказаться вблизи полигонов со снарядами.

Где далёкий результат, и каким он будет – я переставал соображать. Но знал, что результат будет. Откуда эта целеустремлённость вчутьём угадываемый сложный результат? Утробная необходимость достичь цели? Стремление одолеть предчувствуемый крах всей жизни?

У плеча ждёт бухгалтер с финансовым отчётом; давно сидит приглашённый гость; забываю поест, отчего Дора сурово выговаривает.

Почему-то приходили странные личности, откуда-то из сумасшедшего дома, построенного дикими экономическими законами, где у всех одна, но пламенная страсть.

Яркая блондинка из Думы, показывающая уверенность в неотразимости своих предложений:

– Создан союз «Живая планета». Под эгидой самого, члена правительства. Так вот, это ваш союз. Вступайте, взносы небольшие, какая-то тысяча баксов.

– Мы сами общественность, у нас скудно...

– Что? Значит, договорились? И все ваши предприятия привлекайте. Взносы-то небольшие. Завтра сможете?

– Это большая работа, сходу не можем.

– Какая работа? Это срочно, а то потеряете шанс.

Когда она ушла, я выбросил её визитку.

Худощавая красавица с восхитительной причёской под мальчика и золотыми обручами в ушах – из телевизионной компании – отчаянно убеждала делать телерекламу. На неё заглядывались, и она, озабоченная всучить свой «продукт» и легко называя огромные суммы в долларах, использовала для этой цели всё своё обаяние. Богатые женские пласты в ней добивали нас.

Звонили наглые голоса из издательства.

– Выпускаем Золотую книгу бизнеса. Вы вошли в золотой список. Издание поручено ООО «Президент». Книгу передаст фельдьегерь. Стоит копейки – несколько тысяч баксов...

Это было издательство, отбросившее всё лишнее, дореформенное – издание «нетленок», чуткую работу с авторами. Оно печатало только своих, остальным, словно кукушка в часах, выглядывало и куковало: «Ваше произведение не отвечает нашим задачам». Знакомый издатель говорил: «Моя задача – сделать с рубля десять».

Благотворительный фонд «Федерация» отвечал моим внутренним позывам.

– Здорово будет, если наши с вами предприятия мы обратим к деятелям культуры и искусства. У нас связи с домом престарелых актёров. Смычка с бизнесменами! Поможем им! Хотя бы по тысяче баксов с предприятия.

Я не умел ответить, и только ночью, ворочаясь в постели, догадывался, что сказать. Потом узнал, что руководство фонда скрылось с собранными деньгами.

Приходили с грандиозными проектами, не терпящими конкретности. Возможно, из сонма организаций, где дело не пошло, не найдя потребности. Они заполнили наш «офис» с дореформенной мебелью.

Худые интеллигенты в потрёпанных замшевых куртках и шарфах предлагали свои новинки: прибор для чесания спины, волшебную варежку для протирания без воды грязного автомобиля, новый вид люстры Чижевского для получения горного воздуха, и даже средство «Формула любви» для определения измены, опровергающее невозможность «найти следы мужчины в женщине» после секса.

Это была отчаянная вера, что немедленно профинансируют, посыплется деньги спонсоров. Мечта современного интеллигента, подстёгиваемого страхом нищенства, – разбогатеть, производя нечто уникальное. Это был привет из моей романтической молодости, находившейся в поисках.

Не получив немедленно финансирования, они исчезали.

Многие вели себя странно. Одни выглядели ступёванными, убогими – из мимики, бормотали тихим голосом, заговорщицки подмигивая, многозначительно не договаривая. Я изображал интерес, ничего не понимая: «Вы боитесь скрытых микрофонов?». Другие настолько богаты душевно, что не могли выложить и связать всё: начинали проблему с конца, называли незнакомых личностей, словно мы их вместе давно знаем. В результате мы расходились во взаимном недоумении. От этого я давно отвык, должность заставила быть логичным.

Вальяжно располагались в кресле широко мыслящие бывшие чиновники.

– Это вы о ком? Я же его шефа знаю, он мой друг.

– Я же там работал, заместителем генерального.

– Да в этой международной организации у меня свои люди!

Почему-то вспомнился мой грузный зам Пеньков.

Посетили молодые люди с опасными улыбочками.

– Откуда? Да так... молодёжная организация «Правопорядок». Учредили те ещё люди. Так будем работать?

– Конечно! – радостно говорил я, с застарелым холодком внутри.

Приходили устраиваться на работу, в основном протеже нашего председателя Совета. Девушка с ногами до шеи, племянница нашего председателя, прямо с каких-то курсов инменеджмента, морщилась, глядя на нашу мебель:

– Я стою две тысячи долларов в месяц.

Она – из иной сферы самооценок. Я завидую выпускникам вузов и спецшкол, их уверенности в своей высокой цене и быстром обогащении. У меня опыт менеджера, после стольких лет труда и ошибок, не могу себе позволить и половины, и то вынужден скрывать, ведь не поверят, что так мало. Кстати, странно, но в представлении американцев и сто долларов – хорошие деньги, у нас же они считаются мелочью.

Предполагая уникальный опыт и возможности взыскующих, я давал многим работу, но внештатную: членами научных, экспертных и других общественных комиссий.

Однажды вошли пятеро здоровенных парней с бритыми затылками и распахнутыми пальто до пят, стали полукругом перед моим письменным столом.

– Здравствуйте, – всё понял я. – Как видите, мы общественность. Собираемся тут изредка. Мы за дружбу с бизнесом, пытаемся создать общественную организацию. Но пока толку мало. Помогли бы...

Они осмотрели нашу дореформенную мебель с не выводимыми пятнами.

– Давай документы. И по филиалам – учредительные, договора там и прочее.

Внизу у них стоял БМВ, а за воротами пропускного пункта ещё одна машина.

Забрав учредительные документы филиалов, они шумно ушли. У меня возникло подозрение. Похоже на «Слепую силу природы», как я её называл. Протасов может пойти на всё.

Я испугался – в неясном поле деятельности, полном угроз, искал «крышу». В переходный период «крыша» – замена светской и духовной властей, метафизическое условие модернизации.

Я тайне предпочитал «олигархов». Идеалистам они видятся преступниками, замаранными финансово, меркантильными, слишком гибкими и лояльными к власти. Может быть. Но у них «крыша» из «братков» вневедомственной охраны, деньги, они повязаны с властью.

С одним из них познакомил меня шеф, почётный председатель нашего Совета. Орлов, миллионер и депутат, инициатор новой «Деловой партии», с неподвижным лицом смотрел на меня застывшими глазами. Его почему-то звали Филином. Продукт когнитивного капитализма, выковавшего экономического человека, лишённого пустых страстей любви и милосердия. Любовью и милосердием была для него рациональная задача удовлетворения потребностей себя и людей.

Приближаются выборы, и он использует каждую тусовку, тем более нашу, видно, осознал, что фундаментом партии должна быть создаваемая нами элита «чистого бизнеса».

Я откровенно выкладывал ему наше ноу-хау, способное изменить взаимоотношения людей. Когда исчерпался, на его лице был непритворный интерес.

– А как вы отнесётесь, если мы предложим большие деньги за вашу программу?

Во мне колыхнулось чувство удачи.

– Как это?

– Мы её забираем. Вложим всё, чтобы она пошла. Это будет успех. Ваш шеф, вроде, не против.

Что-то знакомое. Это я уже слышал.

– Вы хотите помочь?

– Да. Купить. Не волнуйтесь, вы лично получите очень прилично.

Во мне было противоречивое, неприятное чувство. Программа – мой ребёнок, я жил ею несколько лет. Этот психологический барьер вряд ли могу преодолеть. Всё равно, что предать дело, соратников и сослуживцев.

– Не волнуйтесь, сотрудников мы трудоустроим, – он словно угадал мои мысли. – Будут получать гораздо больше.

Во мне сохранилось та «совковая» мораль, ниже которой не мог опуститься.

– Не тот случай, – сказал я, как бы оправдываясь. – Вы не раскрутите. Для этого всё равно нужен я.

– Да ради бога! – встал он. – Вы этим и будете заниматься.

– Подумаю.

– Только недолго, – сказал он на прощание.

Я расстался с ним почему-то с тяжёлым чувством. Совпадение? Не от него ли звонили с угрозами?

– Смотри, – говорили соратники. – Как бы не украл идею!

Я молчал, и он больше не показывался. Потом стали звонить члены нашей ассоциации:

– А вы знаете, кто-то объявил о создании чистого города. Точь-в-точь ваша программа!

Я был слегка встревожен – содрали все наши наработки? От меня позвонили им, приносясь клиентами, и там визгливая тётка пояснила, что наша организация по сравнению с ними – пустая и никчёмная. Так мы и не узнали, кто это был на самом деле.

Вскоре мы перестали о них слышать, видно, дело заглохло. Идею надо самому родить, вырастить систему, как пирамиду, снизу. Для успеха – нужен был я. Украсть надо было лично меня. Почему так благородна обувь старых итальянских фирм? Там организация всего дела, колодки совершенствовались веками.

Однако Филин нас не забыл.

Мои исследователи вглядывались в рентгенограммы землян, изучая, как в микроскопе, дикийнские создания. Иса разочарованно пропел на своём языке (я перевёл открывшейся нишей сознания):

– Наши экспедиции видели таких на планетах с низким уровнем цивилизации.

Куда я попал? Это же расисты! И почему-то обиделся:

– Они философски необразованные, а не низшая раса.

Он не обратил внимания на моё вяканье о необразованности.

– Их уровень ограничивается горизонтом, за которым ничего не существует.

– Всё относительно! – вставил я. – Раньше ездили на повозках, и видели пространство не дальше горизонта.

Они, сканируя мои видения, игнорировали меня, словно заранее утвердились в своём мнении. Муса кивнул Исе.

– Мыслят в парадигме неприятия условий существования и хватательных инстинктов. Обычное устройство цивилизаций. Ничего интересного мы не найдём.

Иса был озадачен.

– Их история не задаёт высшей цели. Не могут подняться выше своих страстей и эмоций.

Я усмехнулся.

– У нас вообще нет цели.

Он задумался.

– Когда-то, как видно из их источников, они боялись злых духов и космических сил, верили в спасителя, но потеряли веру, стали рабами разума, у единой всемогущей истины. Теперь у них столько истин, сколько мыслящих существ. Их дух обмелел, не стало смыслов.

– Но мы ищем смыслы, – исправил я свой ляп. Оправдывался, хотя они разговаривали между собой:

– Народ изверился в справедливости на Земле. Перестал верить во что-либо. Даже революции ничего не могут сделать.

Иса перешёл со своей певучей речи на мой язык.

– И ничего не меняется?

– Что толку? Новые власти сначала реформируют, потом яростно защищают завоеванное, и скатываются в привычную коррупцию.

Муса задавал наивные вопросы.

– Значит, тебе не нравится то, что происходит на твоей планете? Что же тогда у вас происходит?

– Мы не знаем, куда идём.

– История вас ничему не учит?

– Об этом поговорите с кем-нибудь другим.

От их стороннего взгляда мне было больно. Что они знают о наших испытаниях? У них задача иная, чем сострадание. Вспомнил, вернее, ощутил, судьбы тех далёких людей, и стало жалко их.

– Зачем это вам?

Догадывался, что в их исследованиях – какая-то угроза.

Иса пояснил:

– Мы много знаем об устройстве вашего сообщества, его поведении – равнодействующей ваших сознаний. И невысокого мнения, как ты понял. Но хотим проникнуть в индивидуальное сознание живого землянина. Может, изнутри вы нам пригодны. Ты первое живое существо из вашей планеты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.